

Марина Ледовская

На грани доверия

Марина Ледовская

На грани доверия. Книга третья

<https://litres.ru/64044297>

SelfPub; 2026

Аннотация

Со времени последних событий, описанных в романах "Я тебе посылаю любовь" и "Крылья в багаже", прошло семь лет. У Николая и Надежды Фертовских растёт дочь. Вадим Зорин преподаёт в университете, время от времени встречаясь со своими студентами в неформальной обстановке. Одна из студенток ему особенно по душе. Жизнь идёт своим чередом. Однако её привычный уклад нарушает внезапный приезд из Америки сына Николая. Вот тут и всплывают наружу тайны, связанные с прошлым, среди которых фамильный раритет с наложенным на него проклятьем. В события, произошедшие в доме Фертовского-старшего, так или иначе, оказываются вовлечёнными все члены семьи. Потеря доверия, боль разочарований, жизненные уроки - через всё это пройдут герои книги. Однако они сумеют сохранить честь, искренность и, конечно же, любовь.

Марина Ледовская

На грани доверия.

Книга третья

Глава 1

*"Почему вы рассуждаете о жизни,
вместо того чтобы ощущать её?"*

Э. М. Ремарк

Виктория стояла у окна, провожала взглядом проезжающие автомобили. Начало сентября выдалось тёплым и солнечным – настоящее «бабье лето». Но настроение со вчерашнего вечера ничуть не улучшилось – опять неудача. Запереться бы дома, забиться в угол и там прореветься, так она делала каждый месяц. Но вчера позвонила Надя и попросила посидеть с Сашкой. Сама Надя вынуждена была съездить по делу куда-то на окраину города, а Николая ещё не вернулся со съёмки.

Виктория с Сашей сначала перебрали все коробки с игрушками, затем шкатулки со всевозможными девчачьими драгоценностями в виде заколок, колечек и браслетиков. Следующим этапом стали прятки: тут, конечно, Александра, как главная жительница квартиры, преуспела больше, да и прятаться ей было сподручнее.

После того, как прятки основательно надоели, решили обе поесть гречневой каши с молоком, которую им оставила Надя. Саша изрекла, что каша – вкусная и полезная, хотя съела ровно половину содержимого тарелки. Она вообще плохо ела. Ну и вследствие этого в свои шесть лет была худенькой, с длинными руками и ногами, и, скорей всего, вырастет высокой и тонкой – в породу Фертовских. Саша и лицом была похожа на отца – темноглазая, для ребенка взгляд слишком серьёзный, прямой носик, впалые щёки, волосы волнистые и чёрные.

– Давай играть в театр, крёстная? – предложила Саша после трапезы. Вика, зарывшись в подушки, вознамерилась было посидеть на мягком диване, но поняла, что от очередной игры не отвертеться.

– В театр? – удивилась она.

Вместо пояснения Саша принесла две игрушки, надеваемые на руку, задёрнула шторы возле балкона. На руке Виктории оказалась сова, она чинно поклонилась своему другу бурундучку, которым управляла Саша. Началось представление. Сова будила бурундучка, который никак не хотел утром вставать, она его уговаривала, обещала, что они возьмут коньки, пойдут на каток, речка уже замёрзла. Шестилетняя Саша легко и фантазийно включилась в игру крёстной, она изображала бурундука, отвечала тоненьким капризным голоском, спорила с мудрой совой. Вика так увлеклась игрой, что забыла о своём плохом настроении, о вчерашних

переживаниях, боль отступила. Всё же её крестница была замечательной девочкой, общительной, доброй, не требовала к себе повышенного внимания. Хотя её баловали все, начиная от отца, заканчивая бабушкой, дедом Володей. Вот уж кому доставалась львиная доля любви Саши. Когда она родилась, то никак не могли прийти к согласию, касаясь имени ребёнка. Николай решил уступить Наде, а она ему. Опять ничего не решили.

– Вы можете и дальше никак не называть мою внучку, – вмешался Фертовский-старший, – я её нареку Александрой, Сашенькой, – твёрдо сказал он. Почему-то на сей раз никто спорить не стал. Так в семье появилась Александра Николаевна Фертовская, любимица деда, которого и она обожала. Сызмальства, завидев его, она бежала с криками «Дедуля!», обнимала за колени и искренне радовалась. А сердце дедушки таяло. Он вообще очень изменился, ещё с тех пор, как в его жизни появилась Мария, а потом и внучка. Иногда Николаю просто не верилось в происходящее. Неужели на отца так повлияла любовь? Но ведь это только в романах так бывает, когда чувство способно радикально изменить человека, поколебать его принципы, взгляды, характер, наконец. Ко всему прочему, отец был далеко не молод, а с возрастом постоянство образа жизни, мыслей, привычки необходимы, они залог здоровья своего рода. Однако Фертовский-старший изменился, и реальность это доказывала. Он не оставил своей преподавательской деятельности, но сту-

денты теперь куда с большим энтузиазмом шли на его лекции, не тряслись перед экзаменами, а женская часть аудитории с удовольствием отмечала его доброту, улыбку и даже изменившийся стиль в одежде. Он носил джинсы, пиджаки с водолазками. Смотрелся явно моложе своих лет. И часто ловил на себе восторженные взгляды. Но в сердце жила лишь любимая жена. Вопреки негласным правилам их союз считался настоящим мезальянсом: разница в возрасте, положении, жизненный опыт. Но Маша обладала от природы невероятным чутьем, женской мудростью, зная, где промолчать и уступить, а где и отстоять свою точку зрения. Она во многом не разделяла интересов своих сверстниц, казалась старше их, любила читать, анализировать, не боялась ошибиться. Как-то Николай сказал о своей жене, что одно из качеств, которое наиболее его восхищают в ней, – это умение жалеть, сочувствовать. Фертовский-старший заметил эти качества и в своей супруге.

Теперь, внимательнее приглядываясь к своей невестке, он стал замечать, что у Нади и Маши много общего. Наконец пришло прозрение того, что нашел в своей жене его сын. Владимир Григорьевич с невероятным для себя удовольствием открыл то, как ему приятно наблюдать за этим двумя женщинами, когда они общаются. Маше нравилось наносить визиты в дом его сына, это приносило много положительных эмоций. Фертовский-старший отдавал себе отчёт в том, что он не молод, а время идёт. Поэтому по переезду

Маши в его дом тут же сделал ей предложение. Она без раздумий согласилась. Маша по-настоящему полюбила Владимира Григорьевича, полюбила тепло и сердечно. Она почувствовала его душу, ту боль, какую много лет он носил в себе. Маша пообещала сделать всё возможное, чтобы муж был с ней счастлив. Во многом благодаря увещеваниям Нади, семья самой Маши смирилась с этим необычным браком. А Николай был рад, что отец женился. Вот так все переплелось, но уладилось самым чудесным образом. А появление на свет Сашеньки ещё больше сплотило семьи.

– Мама приехала! – воскликнула девочка, заслышав, как открывается входная дверь. Саша сорвалась с места, побежала в коридор. Послышалось звонкое чмокание, затем проверка маминой сумки, вдруг там, ну совершенно случайно, окажется мармелад?

Когда Надя уложила дочь спать, они с Викой отправились на кухню.

– Как вела себя Саша? Не капризничала? – спросила Надежда, усаживаясь напротив подруги.

– Нет, что ты! Это золотой ребёнок, – улыбнулась Вика, – просто счастье.

– Это счастье иногда бывает неугомонным и непослушным, – заметила Надежда.

– У неё глаза Николая, – сказала Вика.

– Да, – согласилась Надя, – она вообще в породе Фертовских, вырастет аристократка, не иначе.

Виктория кивнула. Ссутулившись, сидела на стуле, очки съехали на кончик носа. В следующий момент она вообще их сняла и бросила на стол, закрыла лицо руками.

– Ну что ты, – Надежда подошла к подруге, обняла её за плечи.

– Опять мимо, – тихо сказала Вика.

– Все ещё будет, милая, поверь мне.

– Я всё меньше и меньше в это верю, Надя, – горько вздохнула Виктория, – мы в браке семь лет, оба здоровы, мы соблюдаем все предписания, мы стараемся, а результат одинаков, то есть никакого. Это, наверное, наказание.

– Ну, перестань, – Надя погладила её шелковистые, рассыпанные по плечам, волосы, – давай я сварю тебе свой волшебный кофе, хочешь?

– А твой кофе может исполнять желания? – Вика подняла голову.

– Увы, но он может утешать и ещё давать надежду. Ведь это кофе Надежды, – она достала медную турку, банку с зёрнами кофе и две маленьких чашки.

– Хорошо, кофе так кофе, – согласилась Виктория. – А помнишь, когда Сашка родилась, а ты себя плохо чувствовала, я зачастила к вам? Зорин тогда всё подшучивал надо мной, что лучшей няни и сиделки не найти. И когда он станет дряхлым и беспомощным, я буду за ним ухаживать.

– Вадим очень хороший, – улыбнулась Надя, стала разливать кофе по чашкам, – а знаешь, что самое главное?

– Что? – спросила Виктория.

– Он тебя любит.

Глава 2

Вика лежала на диване и непрерывно переключала программы телевизора. Вадим ввалился в дом мокрый, грязный шумный. Он вернулся из Беяниново, по дороге автомобиль заглох, пошел дождь, пока Зорин ковырялся в машине, вымок до нитки. Перед самым домом позвонил декан университета, разговаривали на повышенных тонах, Вадим забыл где-то расписаться. Поэтому в дом вошёл в эмоциях, рюкзак бросил у входа, когда снимал ботинки, уронил телефон, выругался.

– Госпожа Зорина, – крикнул он после некоторой паузы, зная, что жена уже дома, но встречать почему-то не вышла, – приехал супруг – злой и голодный. Хотелось бы внимания хоть немного. Виктория!

Она вышла в коридор.

– Что ты разорался, Зорин? – сложила руки на груди.

– Я, между прочим, приехал, – Вадим пнул свои грязные ботинки.

– Я, между прочим, вижу и слышу, – вздохнула Виктория.

– Хочу возмущаться, мыться и есть, – не сбавляя громкости голоса, сообщил Вадим, прошел в ванную-комнату, высунулся из-за двери, – могла бы и поцеловать любимого мужа.

– Угу, – ответила Вика и направилась в кухню.

Вадим мылся долго и с удовольствием, тело жадно впитывало горячую воду, согревалось, избавляясь от негативных ощущений. Зорин, покрывивая, бодро растерся полотенцем, надел всё чистое и сухое. Вошел в кухню, хотел было обнять жену, но та отстранилась.

– Мда-а-а, – протянул Зорин и плюхнулся на стул, подвинул к себе тарелку с разогретым ужином. Виктория направилась к выходу из кухни, но Вадим успел схватить ее за руку. – Я не хочу есть один, – сказал он резко, но Вика к своему несчастью не почувствовала, насколько разозлился муж. Она всё ещё пребывала в подавленном состоянии и больше всего на свете сейчас желала остаться в одиночестве.

– У меня нет аппетита, – выдала она.

– Меня это мало волнует, – не меняя тона, отозвался Вадим, – я не люблю есть один. Сядь! – приказал он.

– Зорин, ты не в своём университете, и я тебе не студентка, – она опять сделала попытку уйти.

– Я сказал, чтобы ты находилась здесь, – голос Вадима стал глухим.

– Почему?

– Что почему? – он посмотрел на жену с холодной яростью.

– Почему ты так ведёшь себя? Неужели ты не видишь, что мне плохо? – она ощутила, как к горлу подкатил ком.

– Тебе плохо каждый месяц в одно и то же время. Ты из-

водишь и себя, и меня, – процедил Зорин.

– Тебе легко говорить, ты не страдаешь так, как я. Почему всё так сложно с тобой, Зорин? Мне иногда кажется – ты даже рад, что у нас нет детей. Нас вроде как ничего не связывает, – она заплакала. По щекам ручейками побежали слёзы.

– Дура! – зло изрек Вадим и стукнул по столу так, что тарелка подпрыгнула, вилка с грохотом отлетела на другой конец. Схватил жену за запястье, больно сжав, притянул к себе. – Ты пила? – его обожгла догадка. Только не это! – Не смей пить! – заорал он так, что, казалось, затряслись стены. Виктория испугалась по-настоящему. Она и правда, выпила сегодня, но немного, думала, что поможет, однако тоска накатила с новой силой. – Какая дура! – он схватил её и потащил в ванную. Спротивляться было бесполезно, хватка у Зорина железная. Он затолкал жену под душ прямо в одежде. Вода хлынула холодная, агрессивная, халат моментально прилип к телу, волосы облепили лицо.

– Я больше не буду-у-у, – завывала Вика. Вадим выключил воду, резко дернул мокрые завязки халата.

– Снимай всё с себя, вот полотенце – вытрись, – хмуро сказал он и ушёл. Всхлипывая и икая, Виктория долго стягивала с себя мокрое бельё, затем вытиралась, кожа уже согрелась, и стало внезапно легче. Холодный душ вкупе с неожиданной яростью Зорина отрезвил её и вывел из депрессии. Даже обижаться не хотелось.

Зорин, раскинувшись на кровати, спал – ноги и руки в

стороны, громко сопел. Виктория села на краешек кровати, сжалась в комок. Зачем наговорила мужу глупостей? Обвинила его. Ведь понятно же, что и он переживает. Она легла рядом, обняла его. Сон навалился почти сразу.

Зорин проснулся среди ночи – затекла рука. Обнаружил на ней спящую жену. Осторожно вытащил из-под неё руку, потряс, разгоняя кровь. Нестерпимо хотелось курить. Вот ведь полгода назад бросил, а теперь опять потянуло, внезапно и так сильно, что он даже облизал губы. Где-то были сигареты, подаренные Николая, ему привезли с Кубы. На пачке нарисована танцующая Кармен.

Вадим бесшумно покинул спальню и направился на поиски пачки сигарет.

– Ну и крепкие, – он затянулся в открытую форточку. То ли уже отвык, то ли и, правда, сигареты были крепкими, но в голове приятно зашумело. С улицы веяло осенней ночной прохладой. Горели жёлтые фонари. Вадим почувствовал у ног что-то мягкое. Кошка проснулась и решила составить ему компанию, заодно попросила поесть – вдруг повезёт? Она стала тереться о босые ноги Вадима, клала на них голову и ласково урчала, хвостом виляла как пушистой метёлкой. Зорин усмехнулся, насыпал кошке корму, та немедленно захрустела.

Вадим докурил, уселся прямо на пол рядом с кошкой. Муся вопросительно мяукнула на такое соседство. Вадим стал её гладить. Как-то так получилось, что он никогда не заду-

мывался об отцовстве. С первой женой об этом разговоров не велось, да и было бы смешно упоминать о детях. Творчески-богемная личность подобных тем не понимала. Юлия пребывала в мире своих фантазий, поиска вдохновения, новых впечатлений. Она снисходила до земного лишь в минуты потребности утолить голод, сон. Поразительно, чем она увлекла Вадима? Неземное существо? – Зорин горько усмехнулся. О покойных плохо не говорят, но почему-то хорошее никак не хотело вспоминаться. Вика со всеми её заморочками, неровным характером, самая что ни на есть земная женщина, желающая любить и быть любимой, иметь семью, детей, теперь была куда ближе. Хотя вот с детьми что-то не получалось, да. А ведь они оба здоровы. Как жена сказала: почему с тобой всё так сложно, Зорин? Эти слова отозвались в сердце какой-то особой болью, потому что он и так долгое время считал себя неудачником, каким-то слишком сложным, искал в жизни всё чего-то необычного, в жизни, в женщинах. Потом одним махом изменил всё: взял в долг часть денег у отца, часть в кредит – прыгнул в неизвестность как в омут с головой. Странное дело, но не проиграл, не обанкротился. Начатое дело пошло в гору, нашлись помощники. Потом череда перемен в личной жизни. И вот его женой стала Виктория Корецкая. И опять он сделал резкий шаг, но не пожалел об этом.

Первые месяцы после свадьбы он оба от счастья как будто сошли с ума, забывая обо всём на свете, погружались друг в

друга. Затем наступило затишье, но такое – приятное, похожее на негу, истому. А потом... потом Виктория стала ждать, и чем больше ждала, тем больше отчаивалась. Последовал период хождения по врачам, консультации, успокаивающие убеждения врачей в том, что всё хорошо, просто пока не получается. Но Вика большую часть своей жизни привыкла получать желаемое либо сразу, либо быстро. А жизнь вносила свои коррективы, и такое бывает, особенно, когда чего-то очень хочешь и нервно ожидаешь, то, как правило, это не получается, либо затягивается. Наверное, в этом была тоже своя премудрость, направленная на то, чтобы заставить понять, переосмыслить, чему-то научиться.

Вадим вытянул затекшие ноги, кашлянул. Нет, всё-таки зря выкурил эту жуткую сигарету. Вот иногда скажешь или сделаешь, не подумав, а потом расхлебывай. Уже второй час, а спать не хочется. Завтра, нет, уже сегодня, вечером ехать в университет. Начался новый учебный год. Зорин вздохнул. Закончил аспирантуру, надо преподавать – выработать часы. С другой стороны, он отметил про себя, что ему нравится общаться со студентами, нравятся новые лица, новые впечатления. Во всём этом ощущается полнота жизни. Жизнь, а она ведь везде, даже в кошке, что рядом.

Зорин стал наблюдать за Мусей, которая умывалась. Сначала она вылизала передние лапы, затем мордочку, особенно тщательно вылизывая себя за ушками. Закончила туалет чисткой боков и хвоста. Посмотрела на Вадима весьма до-

вольная – внимание хозяина было сосредоточено полностью на ней. Может быть, Виктории просто не хватает этого самого пресловутого внимания? Зорин опять вздохнул.

Глава 3

– Я так рада, что вы часто бываете у нас, – улыбнулась Надя Маше. Они сидели в столовой. Перед этим все вместе пили чай. Затем мужчины ушли в кабинет Николая, что-то там обсуждать. Саша перемещалась туда-сюда, считая своим долгом выказывать любовь всем сразу. Она сидела на коленях у деда, гладила его за ушком, ворковала, затем убежала в столовую, там получила от тети Маши конфету, затем ускакала в детскую кормить плюшевого кита, когда-то подаренного крёстной.

– И мы рады бывать у вас, Надюша, – отозвалась Маша, – дом, где все счастливы. Где есть вот такой славный ребёнок, как Сашулька. Володя в ней души не чаёт. Надеюсь, что он также будет любить и своего будущего ребёнка, – она замолчала.

– Ты хочешь сказать... – глаза Нади округлились.

– Нет-нет, пока я ничего не хочу сказать, – торопливо отозвалась Маша. Поставила локти на стол, на скрещённые пальцы примостила подбородок, – я о другом, порой мне кажется, что нельзя быть такой счастливой. Я и не думала, что когда-нибудь мне встретится такой, как Володя. Я смотрю на него, и иногда мне становится страшно.

– Почему? – удивилась Надя.

– Потому что я не знаю, смогу ли я жить без него. Что будет со мной, когда его не станет? Ведь я даю себе отчёт в том, что он намного старше меня.

– Ох, Машенька, – Надежда обняла её за плечи, – да не думай ты об этом. Старше, младше, кто знает – кому сколько отведено? Возраст, социум – условности, правила общества, которые нередко нарушаются, ну и, слава Богу! Важнее другое.

– Что же?

– Чтобы человек был твой, – ответила Надя, – найти своего человека: мужа, друзей, среди родных тоже бывает свой человек. Вот тогда ощущаешь жизнь в лучших её проявлениях.

– Да-да, верно, – согласилась Маша.

– Как же я люблю эту девочку! – воскликнул Владимир Григорьевич, усадил внучку себе на колени и защекотал её. Саша захихикала, вырвалась из объятий деда, побежала и спряталась за креслом отца. Через пару секунд выглянула.

– Дедуленька, – ее тёмные круглые как две вишенки глаза заблестели, – давай играть в «съедобное-несъедобное»?

– Давай, – охотно согласился он, – только ты мне напomini правила.

Саша шустро сбегала в детскую за мячом, объяснила деду правила игры и бросила мяч первой.

Как же она смеялась, когда дедушка, не успев сориентироваться, ловил мяч. За время игры он «съел» люстру, стол, кресло. А сама Саша успела «съесть» набор вилок и резиновые сапожки. Ей очень нравилось играть с дедушкой, тот никогда не отказывался принимать участие во всех её фантазиях, умел разговаривать за злобного Тум-Тумыча, весёлых лошадок, шустрого зайца. А ещё он умел шутить так, что Саша непрестанно хихикала. После таких игр она счастливая, быстро засыпала.

– Простите, – в дверях появилась Надежда, – Саше пора ложиться спать, – мягко напомнила она.

– Но, мамочка, – расстроено возразила девочка, они с дедом только-только разыгрались, а ещё планировали в детской построить башню.

– Александра, – покачала головой Надя. Дочь прижалась к деду, сердито сдвинула брови – ну точь-в-точь так делал её отец, когда был чем-то недоволен.

– Дедуленька, ты же в семье самый главный, – вдруг выда-ла Саша, – значит, ты можешь сказать маме, что нам нельзя ложиться спать – мы не достроили башню. Да?

Владимир Григорьевич переглянулся с сыном, тот усмехнулся.

– Понимаешь, принцесса, – дедушка обнял её за плечи, – я – самый главный у себя в семье. У себя на работе я тоже очень главный, там я могу своих студентов ругать, даже ставить им двойки, если они заслужили, конечно. А вот к тебе

я прихожу в гости, я здесь не живу, здесь живут твои папа и мама, они тебе роднее всех на земле, правильно? Ты их любишь, так?

– Да, – согласно кивнула Саша, всё ещё прижимая мячик к себе.

– Поэтому именно здесь они самые главные, и мы с тобой должны их слушаться.

– Но ведь мой папа – твой сынок, – резонно заметила девочка, – значит, он должен слушаться тебя.

Владимир Григорьевич с трудом спрятал улыбку.

– Сашуль, твой папа уже давно меня не слушается.

– Почему?

– Потому что он вырос, – дед шутливо тронул внучку за кончик носа, – твой папа давно уже взрослый и сам принимает решения. Но он всегда со мной советуется. А значит, он меня любит. И не хочет расстраивать. Когда дети вырастают, чтобы показать своё уважение, они начинают советоваться.

– Дедулька, я всегда буду с тобой советоваться, – серьёзно выдала Саша и посмотрела на деда карими глазами его сына. Владимир Григорьевич прижал к себе внучку.

– Тогда давай начнем советоваться уже сейчас? – предложил он. – Я бы тебе дал совет пойти умыться, почистить зубки и лечь спать. Это очень хороший совет от твоего любимого дедушки. – Саша радостно закивала.

– А ты расскажешь мне на ночь сказку? – тут же спросила она.

– Как здорово твой отец разрулил ситуацию, – заметила Надя, когда она после всех процедур уложила Сашу в кровать, а свёкр остался рассказывать сказки её дочери, – Саше и возразить было нечего. Ну и вопросы она порой задает! Мудра не по годам.

Николай обнял жену за талию.

– Она вся в тебя, – поцеловал её в макушку.

– Вот уж это не так, – хитро улыбнулась Надя, – Александра Николаевна – точная твоя копия – и внешне, и характером, только что девочка.

– Мм-м-м, спорить не буду, – Николя с удовольствием вдохнул запах волос жены. Был в отъезде на съёмках, соскучился. Он всегда скучал по ней, даже в самой непродолжительной разлуке. Она нужна была ему как воздух, как сама жизнь. Всегда желанна, всегда любима. Годы их совместной жизни несколько не ослабили его чувств к жене, напротив, утвердили в правильности когда-то сделанного выбора, привязали ещё больше. – Может быть, сегодня ночью в спальне посоветуемся о чём-нибудь эдаком? – мягко шепнул Николай жене на ушко.

– А лиса не стала есть колобка, – Владимир Григорьевич поправил одеяло внучке.

– Не стала? – сонно пробормотала Саша.

– Нет, – подтвердил он, – она пожалела колобка, уж больно

хорошо он пел на её носу. Так колобок вернулся к бабушке и дедушке. Он понял, что любит их.

– Я тоже тебя люблю, деда, – сказала Саша и уснула.

– И я тебя люблю, принцесса, – еле слышно ответил он и тихонько вышел из детской.

– Уснула? – Николай ждал отца в гостиной. – Пап, что с тобой? – он подскочил к отцу.

– Да голова что-то закружилась, – Владимир Григорьевич тяжело повалился в кресло, – ничего, сейчас пройдёт, – он прикрыл глаза, выдохнул. На лбу выступили капельки пота.

– Отец, как часто с тобой такое бывает? – Николай внимательно смотрел на него.

– Головокружения? – переспросил Фертовский-старший.

– Ничего страшного. Это просто усталость.

– Но учебный год только начался, – заметил Николай.

– Верно, и мне надо втянуться, я же как студент, – пошутил Владимир Григорьевич.

– Как давно ты был у врача? Пап, давай я позвоню Казимиру Львовичу?

– Сынок, ты напрасно беспокоишься и явно преувеличиваешь. У меня есть только одна проблема.

– Какая?

– Возраст! А жена у меня молодая. Вот поэтому мне болеть никак нельзя.

– Вот поэтому мы и сходим на приём, обследуемся. Мы с тобой посоветовались сейчас и решили, да?

Глава 4

Вадим дочитал лекцию, повесил рюкзак на плечо. Конспекты хотя и носил с собой, но давно уже не доставал их на лекциях, не надобилось, помнил всё наизусть, благо память не подводила.

– Вот это сюрприз! – воскликнул он, заметив в коридоре университета двух своих бывших студенток. Они смущенно улыбались. Мира и Таисья. Когда-то Зорин преподавал у них микроэкономику. Способные девчонки, умницы, старательные.

– Здравствуйте, Вадим Георгиевич, – зашебетали обе, – мы забежали вас проведать. Как дела?

– Всё хорошо, уверенно движемся вперед, – в ответ улыбнулся он, – как ваши дела?

– О, у нас столько интересного!

– В таком случае нам бы надо пересечься и пообщаться? – предложил Зорин.

В прошлом учебном году они уже встречались в кафе под названием «Метро», туда ходили многие. Зорин вообще имел привычку встречаться и общаться со своими студентами. Он являл собой пример довольно-таки демократичного преподавателя, однако дистанцию между собой и ними всё равно держал, никогда не переходя на «ты».

– Да-да, хорошо бы встретиться, – подтвердила раздумывавшаяся Мира.

– Так, в четверг у меня три пары, – прикинул Вадим, – сможете подъехать в кафе в половине пятого?

– Сможем, – ответила за обеих Таисья и дёрнула подругу за руку – пора. Девушки попрощались и поспешили на занятия. Зорин пошёл к автостоянке.

В группу, где учились Мира и Таисья, он пришёл впервые полтора года назад. Вечернее отделение, вторая пара. Прозвенел звонок, Зорин вошел в аудиторию. В этой группе у него были только семинары.

Вадим подошел к столу преподавателя, рюкзак бросил на край. Повернулся к всё ещё шумевшей аудитории – в основном девушки, парней всего пятеро. Доску старательно мыла худенькая девица, повернулась к Зорину, пару секунд смотрела на него оценивающе, затем явно озадачилась: на нём была кожаная куртка, потёртые джинсы, волосы «ёжиком», в ухе маленькая серьга-кольцо.

– Тишина, звонок уже был, – строго обратился к аудитории Зорин, все притихли.

– А вы будете преподавать у нас микроэкономику? – спросила худышка, она всё ещё стояла у доски, в руках – кусок поролона.

– Да, я буду преподавать у вас микроэкономику, – подтвердил Вадим.

– Всегда? – уточнила девица.

Зорин подошел к ней ближе и заметил на её носу коно-

пушки, много конопушек, хотя девушка не была рыжей.

– Что значит – всегда? – сдерживая улыбку, уточнил он.
– Всю жизнь что ли?

Группа дружно захохотала. Худышка стушевалась.

– Я имела в виду – весь семестр? – пояснила она.

– Да, весь семестр, – подтвердил Вадим, – пожалуй, начнём, – он посмотрел на список группы, отодвинул его. – Я не собираюсь отмечать присутствующих. Кому нужны знания, тот будет ходить. Всё очень просто. Вы взрослые люди, решаете сами.

Вадим прошел вдоль кафедры туда-сюда, остановился, окинул взглядом аудиторию, глаза студентов внимательно следили за ним. Он уже привык к такого рода вниманию. Привык и к особому вниманию студенток.

– Я вам не завидую, – изрёк он и опять обвел взглядом группу, – вы попали к одному из самых ужасных преподавателей.

– Что же вы так о себе? – спросила одна из девиц с «ярким боевым раскрасом». Такие, как правило, уверены в своей неотразимости.

– Это не я, так обо мне говорят, – спокойно отозвался Зорин, – мне очень трудно сдать зачёт. Хотите вместо него написать контрольную? Уверяю вас, результат будет ещё хуже.

Группа возмущённо зашумела. Вадим усмехнулся. Поверили! Это хорошо, значит, примут во внимание и будут заниматься, по крайней мере, многие из них.

Он начал семинар, потратил на введение в предмет минут пятьдесят, затем, посмотрев на часы, решил, что отпустит студентов пораньше, на сегодня вполне достаточно. Они радостно загалдели.

– Да, вот ещё что, – остановил шум Зорин, – убедительно прошу не ходить ко мне на лекции, у вас есть свой преподаватель по теории. К нему и ходите.

– Простите, пожалуйста, – услышал он возле себя, когда почти все студенты дружно покинули аудиторию. Вадим отряхивал свои джинсы от мела, – я далеко живу, мне надо успевать на последний автобус, поэтому буду вынуждена уходить с вашей пары на 15 минут пораньше, можно? Это пока не поменяли расписание, обещают скоро изменить.

Он сначала растерянно кивнул, думая о чём-то своём. Затем посмотрел на студентку, которая его просила, на несколько секунд задержал на ней свой взгляд.

– Хорошо, уходите, – разрешил Зорин, а в голове промелькнуло «какие у нее выразительные черты лица. Красота особенная, нестандартная».

Таисья и Мира вышли из аудитории. Они дружили с первого курса, с самых первых дней, как познакомились. Мира тогда вошла в большую лекционную аудиторию и во втором ряду увидела худенькую, особо не приметную девушку – русые волосы убраны в жидкий хвост, уши оттопырены, а глаза – большие, близко посажены и озорные, на носу весёлые конопушки.

– Здравствуйте, – Мира подошла к ней, – здесь будет лекция по истории?

– Здравствуйте, – отозвалась худышка, – да, здесь. Давайте знакомиться?

Мира почему-то тогда не запомнила ее имя, и какое-то время ей было неловко от этого. Хотя новая знакомая Мире очень понравилась. Так они стали дружить, несмотря на то, что внешне были полной противоположностью друг другу: худенькая русоволосая Таисья, не броская, сдержанная на эмоции, и Мира – яркая брюнетка с пышными формами, эмоциональная, живая. Но обе умные, охочие до знаний, эрудированные. И ведь тогда именно сдержанная Таисья убедила порывистую Миру пойти на лекцию к Зорину, хотя он и запретил.

Таисья узнала расписание его ближайшей лекции, и они с Мирой направились в аудиторию. Более того, опять же Тая уговорила подругу сесть поближе – на третий ряд, хотя можно было сесть где угодно и остаться незамеченными преподавателем.

В то занятие Зорин резво вошел в аудиторию, спустился к кафедре, снял куртку, рюкзак, взял маркер.

– Добрый вечер! Начнём? – произнес деловито. – На чём мы остановились? – обвел взглядом аудиторию. Вдруг брови взметнулись вверх, глаза округлились. Он узнал и худышку, так насмешившую его у доски, и ту, которая отпрашивалась и понравилась ему. Всё-таки пришли к нему на лекцию –

обе! Хотя он категорически запретил это делать. Ай-да молодцы!

– Так, а что вы здесь делаете? – со всей строгостью, на которую был способен, спросил он. – Я же просил не приходить ко мне на лекции. Зачем вы пришли?

Все студенты аудитории уставились на девушек, человек шестьдесят, не меньше. Худышка покраснела, а её подруга, несколько не смутившись, поставила локти на парту и четко изрекла:

– Мы пришли слушать вас, мы пришли учиться.

Зорину понравился такой ответ. В следующий момент он пожал плечами, что примерно означало «ладно, оставайтесь, что с вами поделать?»

В течение лекции он несколько раз обращался именно к ним, давая понять, что выделяет их из общей массы.

На следующей неделе при входе в университет Зорин заметил ту яркую брюнетку, ещё не запомнил ее имени, однако был так рад её видеть, что поздоровался первым, одарив столь тёплой улыбкой, что она даже растерялась. Это его позабавило.

На вторую лекцию они опять пришли обе, но сели уже на задние ряды. И сегодня, казалось, преподаватель не замечает их. Вроде бы и хорошо, нет всеобщего внимания, сиди и слушай лекцию. Тем более что Зорин рассказывал очень интересно, разбавляя материал юмором, конкретными примерами и случаями.

Прозвенел звонок, Тая и Мира поднялись со своих мест и заторопились к выходу.

– Нас сегодня не заметили, – стараясь скрыть разочарование, резюмировала Таисья.

– Верно, – протянула Мира, обернулась – преподавателя со всех сторон окружили студенты.

– Пойдем, – Тая потянула подругу за рукав.

Они не пришли и трети длины коридора, как услышали за спиной:

– Милые дамы, – это обращение заставило их застыть на месте, – мне, конечно, невероятно приятно, что вы ходите на мои лекции, но, честное слово, я не вижу в этом смысла.

Глава 5

Конечно же, он заметил их почти сразу, как вошел в аудиторию. Сегодня они устроились на последнем ряду, сидели там – много записывали, внимательно слушали. А потом, после звонка с лекции, довольно быстро скрылись из виду. Зорин торопливо извинился перед забросавшими его вопросами студентами и направился к выходу.

– Так в чём же смысл? – переспросил он.

– А смысл здесь большой, – охотно отозвалась та, что ему особенно понравилась. Что-то такое в ней было нетривиальное, помимо внешности, отличающее её от других студенток. – Зачёт мы сдаем именно вам, следовательно, теоретический материал должен исходить непосредственно тоже от вас. Так

не будет несостыковок. Тем более ваши лекции наиинтереснейшим образом раскрывают материал, это правда.

Её подруга кивнула в знак согласия.

– Ну, хорошо, я понял, – Зорин улыбнулся, он услышал всё, что хотел, и даже больше.

Так потекли дни за днями, Мира и Таисья, теперь Зорин запомнил их имена, исправно ходили и на его лекции, и на семинары. Ему импонировала их активность в учебе, искренний интерес к предмету. У Таисьи оказался математический склад ума, она прекрасно делала анализ и щёлкала задачки сходу. Мира же ко всему подходила и рассуждала творчески. Зорин при всех называл их «милые девочки», «мои светочи».

На одной из последних лекций после звонка Мира и Тая решились подойти к нему. Мира перед этим целое воскресенье пыталась над сложнейшей задачей по его предмету и теперь, не дожидаясь семинара, торопилась продемонстрировать итоги своего ударного труда. Как только Вадим заметил, что его любимицы спускаются к кафедре, он одобрительно заулыбался.

– Вадим Георгиевич, – обратилась Мира, – у нас к вам дело.

– Как хорошо, что вы подошли, – радостно отозвался он, – я и сам хотел вас позвать, – он на секунду отвёл взгляд и вдруг смутился, – хотел позвать, а вот зачем? – потер висок,

– надо же какая оказия – не помню...

– У нас есть решение задачи прошлой лекции, – пришла ему на помощь Мира, Таисья открыла экран планшета, – посмотрите? Решение верное?

Вадим быстро просмотрел:

– Кто выбрал этот метод? – удивлённо произнес он. – Прделана такая работа, и путь найден оптимальный, – в его голосе слышалось восхищение.

– Метод выбрала я, – пояснила Мира, – мне показалось, что сюда подходит именно он.

– Умница! – Вадим ещё раз просмотрел решение, повернул голову к Мире и внезапно опять покраснел – от смущения. Сам не понял, как это получилось. Мира стояла слишком близко, в её глазах плескалось веселье, неужели она заметила и догадалась? О чём? Он и сам не мог понять, о чём. Но эта студентка умела удивлять, а ещё в ней ощущалось что-то знакомо-приятное, но забытое, что-то из прошлого. Нет, раньше Миру он точно не знал. Однако, ощущение исходящей от неё теплоты, всякий раз казалось знакомым.

– Я, наверное, сегодня не оправдал ваших ожиданий? – спросил Зорин, пытаясь выпутаться из неловкой ситуации, засуетился, – скучно было на лекции?

– Нет, что вы?! – в один голос воскликнули девушки, – у вас такого не бывает, всегда интересно и познавательно.

– Да? Спасибо, так приятно это слышать, – сказал он, – ну, всё? – опять смутился. «Когда же они уйдут? Так выдал себя,

покраснел как мальчишка. Только этого не хватало. Всё-таки преподаватель».

– Всё, – Мира словно подслушала его мысли, опять посмотрела, едва скрывая усмешку, – до свидания!

За день до контрольной Мира особенно тщательно готовилась – решала задачи, разбирала ошибки. Мысль о том, что она может плохо написать контрольную, основательно портила настроение. Нельзя разочаровывать Вадима Георгиевича.

В день контрольной Зорин уже сидел в аудитории и ждал группу, лицо непроницаемо.

– Все собрались? Начнём, – обвел всех взглядом, – вы должны сегодня писать контрольную, – он сделал паузу, именно в этот момент Мира случайно с грохотом уронила на пол сумку.

– Ну, так вот, прошу прощения, но я не успел подготовить задачи, – продолжил он, – поэтому контрольной не будет. Я поставлю всем зачёт «автоматом».

Тишина была такой, что, казалось, слышно дыхание каждого сидящего. Боясь поверить в услышанное, все замерли.

– Это шутка? – наконец спросила Таисья, её как старосту группы, это вопрос волновал больше всех.

– Нет, я говорю вполне серьёзно. Я же объяснил, – терпеливо ответил Зорин. Он позволил себе насладиться эффектом от великолепно сыгранной сцены.

– Я убью его, – тихо сказала Мира, она не сводила с преподавателя глаз, если бы могла, прожгла б в нём дырку.

– Тс-с-с! Он слышал тебя, – шикнула на подружку Таисья.

Вадим поднялся с места, с трудом сдерживая улыбку, прошёл вдоль кафедры.

– Я ещё раз прошу прощения. Особенно у тех, кто готовился. Вполне естественно, что им обидно. Но ... так уж вышло. Или кто-то недоволен? – посмотрел на Миру. – Лично вы довольны?

– Лично я – да! – выпалила Мира. Щеки её горели от возмущения, в тон своего ответа она постаралась вложить максимум сарказма.

Как же Зорину это понравилось! Он прямо физически ощутил удовольствие. Ну что за девица такая? Цепляет и всё тут. Надо, конечно, в дальнейшем останавливать себя. Мира просто студентка, каких тысячи. Они проходят через него большими потоками. Ещё с самого начала он дал себе установку: никаких увлечений, никаких романов со студентками, он не ловелас и никогда им не был. Тем более, сейчас женат. Достаточно того, что брак в его жизни не первый, но то, что последний – это точно. Викторию он любит. Но почему так хочется поддразнивать Миру? Так трудно удерживать себя от этого.

– Если все удовлетворены, – Вадим не мог себе отказать в иронии и ещё раз многозначительно посмотрел на Миру, – давайте свои зачётки.

– У некоторых нет зачёток, не готовы были к такому повороту, – опять вставила реплику Мира.

– В таком случае придёте ко мне на лекцию, – сказал Зорин, повернулся к Мире и Таисье, – не волнуйтесь, вам обещим я бы всё равно поставил «автоматом». Вы же мои умницы. А теперь все свободны, – он хлопнул в ладоши, – кто с зачётками – ко мне, остальные принесёте старосте, она меня найдет.

Таисья кивнула.

– Кстати, Мира, ты тоже можешь мне завтра отдать свою зачётку, и тогда тебе не надо будет приезжать, – сказала она подруге.

– Нет уж, спасибо, – Мира сделала круглые глаза, – я сама привезу свою зачётку, – произнесла по слогам, что-то давая понять Таисье.

Вадим с интересом наблюдал за этой мимической сценкой.

– Мы придём вместе, хорошо, Вадим Георгиевич? – уточнила Тая.

– Я буду вас ждать, – изрёк он, – буду ждать двоих.

Через полчаса Зорин вышел из университета. К своему удивлению возле университетской парковки обнаружил Миру и Таисью. Они хрустели чипсами, оживленно разговаривали и посматривали на дорогу, скорей всего, кого-то ждали. Вадиму вдруг захотелось подойти к ним и поговорить просто так, в более непринуждённой обстановке. Он посмотрел

на часы: дома ещё не ждут, Виктория знает, что у него сегодня итоговая контрольная. А ведь он собирался дать задачи студентам, но перед самой парой передумал. Захотелось закрутить интригу и посмотреть на реакцию, интересно же – живой материал. И не ошибся, Мира больше всех оправдала его ожидания. Да, девица, кажется, сама не понимает, насколько хороша.

Глава 6

– Вадим Георгиевич, – как только он подошёл, Мира встала напротив, сложила руки на груди, смотрела прямо ему в глаза. Ух, какой взгляд! Огонь! – по вашей милости я теперь вынуждена болтаться здесь. За мной приедут только через час, а предупредить я не могу, – девушка довольно смело высказала претензии.

– Ах, простите меня ещё раз. Поверьте, я понимаю вашу досаду. Вы готовились, а я поставил вас в один ряд с двоечниками. Но, правда, я не ожидал такой бурной реакции, – Зорин в знак раскаяния прижал руку к груди.

– Да, пожалуй, эмоций было многовато, – согласилась Мира.

– Я заметил. Если желаете, я могу остаться с вами. Мы продолжим обсуждение, – предложил он неожиданно сам для себя. Хотя, почему неожиданно? Он ведь подошёл к ним непросто так, по крайней мере, не только для того, чтобы ещё раз попрощаться.

– Нет уж, мы не станем вас задерживать, – сказала Мира. Вот таких слов от студенток Зорин не ожидал. Он как-то не взял в расчёт, что ему могут отказать. – Поезжайте домой, Вадим Георгиевич, – слегка прищурившись, добавила она.

– Хорошо. До свидания, – он вздохнул. Ничего не оставалось, как уйти. Напоследок обернулся, – так я жду вас во вторник с зачётками. Обоих жду, с нетерпением.

Получилось так, что во вторник Мира задержалась, Таисья пошла без неё. Они встретились уже в коридоре.

– Я тебе звонила. Что случилось? – спросила Тая, она уже поставила зачёт у Зорина.

– Да так, проблемы, – отмахнулась Мира, – ты была уже там? – она показала на дверь аудитории.

– Была, Вадим Георгиевич любезен как всегда, улыбка у него просто чудо, – Тая при этих словах сама расцвела. – Да, про тебя спрашивал.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнула Мира, – пойду.

Они попрощались, Мира открыла дверь в аудиторию. Зорин сидел у кафедры, вокруг человек двадцать, не меньше, что-то обсуждали, смеялись, он расписывался в зачётках. Поднял голову и увидел спускающуюся Миру.

– Вопросов больше нет? – громко спросил он, – так, маркетологи, расходимся. Всем успехов! – замахал руками, мягко вытуривая студентов. Около него осталось человек пять. Мира на негнущихся ногах спустилась к кафедре, она сама

не понимала, почему так нервничает. Может, потому что видела Вадим Георгиевича в последний раз?

– Здравсти, – выдавила она сдавленно и протянула ему зачётку.

– Здравствуйте, Мира. Знаете ли, я спрашивал о вас у Таисьи, – признался Зорин. Растерянность Миры передалась и ему, – вас не было, – он сделал паузу, – а природа не терпит пустоты.

Мира подняла на него глаза и ещё больше смутилась. Вадим кашлянул, придвинул себе зачётку Миры, размашисто расписался. Мира взяла зачётку и пошла, потом обернулась.

– До свидания, – проямлила она, будто что-то вспомнив.

– До свидания, – ответил Зорин, внимательно смотрел ей вслед.

– Вадим Георгиевич, – она словно очнулась.

– Да, Мира, что-то случилось? – участливо спросил он. Она быстро вернулась к кафедре, краска бросилась в лицо.

– Я хочу сказать, что мне очень нравилось ходить на ваши лекции и семинары, – затараторила девушка, – я получала колоссальное удовольствие от учёбы, думаю, что впервые в жизни, – она перевела дыхание, – вы преподаватель от Бога.

– Спасибо, тронут до глубины души, – глаза его засветились, – мне бы больше таких студентов, как вы и ваша замечательная подруга. Так приятно, когда твой труд ценится, – Зорин поднялся со своего места, они с Мирой встали друг напротив друга.

«Какой же он высокий», – промелькнуло в голове у Миры, а вслух она сказала:

– И мне приятно. Так что, если захотите продолжить общение... – тут она осеклась, с ужасом поняв, что её занесло. Могла бы иначе произнести фразу, а получилось на редкость коряво, ещё нахально. Но вопреки её страхам Зорин понял всё правильно.

– Это должен быть шаг с вашей стороны, – хитро улыбаясь, сказал он.

– Как это? – Мира вытаращила глаза.

– Вы же знаете: я общаюсь со своими студентами и в неформальной обстановке. Так что если захотите меня найти, прошу на кафедру, там узнаете мое расписание. Вам скажут, когда я бываю в университете.

– Хорошо, – радостно кивнула Мира, – теперь точно – до свидания! – она раскраснелась как зрелый томат.

– До свидания, – засмеялся Зорин.

Лёгкой счастливой походкой Мира направилась к лестнице.

– Желаю удачи! – вдруг услышала вслед, обернулась.

– Спасибо, Вадим Георгиевич!

Встретились они в конце летней сессии. Мира и Таисья ждали Зорина возле аудитории, он принимал зачёт. День выдался замечательным, было особенно не жарко, солнце выглядывало из-за облаков. Университет постепенно пустел.

Студенты бойкими стайками покидали аудитории, зачётная сессия подходила к концу, скоро экзамены.

Зорин с Мирой и Таисьей отправился в кафе – идти было минут двадцать. Сначала он хмурился, о чём-то думал, молчал. Но девушки принялись задавать ему вопросы, сами рассказывали, подшучивали. Постепенно он разговорился, расслабился. Когда удобно устроились в кафе, был уже в отличном настроении и шутил в ответ. Рассказал, что сам родом из Санкт-Петербурга, очень любит этот город и при малейшей возможности старается туда поехать. Мира и Тая восхищённо слушали его рассказы о северной столице. Что Вадим Георгиевич с родителями жил в центре, дружил с мальчиком из настоящей аристократической семьи. Изначально его ма-тушка была против, но потом смирилась. Ребята ходили в школу с английским уклоном.

– О, тогда вы должны знать английский в совершенстве? – воскликнула Мира.

– А вот и нет. Говорить на этом жутком языке толком я так и не научился, зато легко перевожу с листа. Есть несколько моих переводов британских исследователей микроэкономических показателей ряда стран Европы, а также статьи на тему предмета, который я преподаю. Они выложены в сеть, если желаете, можете прочесть.

– Конечно, желаем, – с энтузиазмом отозвалась Мира. Зорин улыбнулся.

– Мне вспоминается случай, когда родители категориче-

ски не хотели отпускать меня на концерт любимой группы «Пинк Флойд» из-за того, что у меня завтра сдача экзамена по русскому языку, – стал рассказывать он, когда официантка принесла заказ, – устный русский я сдал на «пять», а диктант на «тройку».

– Не может быть, – не поверила Мира.

– Может-может, – усмехнулся Вадим, – у меня правила русского языка иногда идут вразрез с письменными текстами. Когда я пишу, то не всегда их применяю, хотя прекрасно знаю.

– У меня то же самое, – скромно заметила Таисья. Она больше помалкивала, внимательно слушала своих собеседников и от души смеялась, видя, как её подруга и преподаватель состязаются в остроумии. Мира была явно на подъеме. Щёки ее горели, тёмные волосы распушились. Она увлеченно рассказывала о своей работе. Вадим Георгиевич задавал вопросы, ему было интересно. Таисья вообще заметила, что ему интересны люди, истории, подробности. Интерес этот искренен и подкупает. К тому же Зорин ещё и интеллигентен. А ещё у него необычная манера смотреть прямо в глаза, серьёзно, пристально, а потом вдруг улыбнуться так, что лицо его вмиг преобразается, и собеседнику становится легко, даже солнечно от его улыбки. А Мира вообще готова в нём раствориться.

Таисья ещё раз внимательно посмотрела на подругу. Надо бы потом поговорить с ней, предостеречь. Нельзя в него

влюбляться, он женат, на руке поблескивает кольцо. Да и про свою жену упомянул, кажется, Викторией зовут. Сказал, что ему очень повезло в личной жизни.

Тая бросила взгляд на часы, Зорин это заметил.

– Ох, как быстро летит время, – тоже глянув на часы, сказал он, – нам пора. Так, – опередил попытки девушек достать кошельки, – раз и навсегда незыблемое правило: за женщин всегда плачу я.

Глава 7

Когда вышли из кафе, у Зорина зазвонил телефон. Он взял трубку и отошёл в сторону. Говорил долго.

– Женщины-женщины, – закончив говорить по телефону, улыбнулся, – потеряли меня – и жена, и мама. Успокоил, что всё в порядке – еду домой. Нам всем в метро? Кому куда?

– Мне в Кузьминки, – ответила Таисья.

– А мне на Таганку, там пересадка, – сообщила Мира.

– Так, с Мирой мне ехать, а Таисья нас быстро покинет, – резюмировал Зорин, Тая грустно кивнула, – зато вам до университета близко, очень удобно, – утешил её. Они все вошли в метро. – Как хорошо, девчонки, что вы меня вытащили в кафе, я расслабился, отдохнул, – Вадим попеременно подал обеим руку на эскалаторе, – я надеюсь, это у нас войдёт в традицию – так встречаться в кафе и общаться?

Обе радостно закивали.

– А если быть откровенным, то я вообще-то человек до-

машиний, приедешь домой, книжечку считаешь. И совсем не болтлив, это я сегодня что-то разговорился, а так я – мягкий и молчаливый.

Мира и Таисья переглянулись и рассмеялись. Вскоре Таисья попрощалась, вышла на своей станции. А Мира и Зорин сели, благо в вагоне было много свободных мест. Мира почувствовала тепло его сильного плеча – они сидели близко друг к другу. Почувствовала и затрепетала. Хорошо, что Владимир Георгиевич ни о чём не догадывался, он принялся рассказывать о своей поездке в Париж, где был несколько раз. Сказал, что поставил перед собой задачу посмотреть «Мону Лизу» в Лувре. Долго всматривался в портрет, пытаюсь понять загадку этого образа, его магию, но ничего не увидел, кроме своей глуповатой физиономии, которая отражалась в стекле – картина-то застеклена. Рассказывал он ещё и ещё, не заметили, как подъехали в остановке Миры.

– Ваша Таганка, – сказал Зорин и, как истинный джентльмен, поднялся с места и проводил Миру до дверей.

– Спасибо вам за общение! – улыбнулась девушка. – Надеюсь, мы ещё увидимся.

– Безусловно! – подтвердил Зорин. – И вам спасибо, я тоже получил много радости от нашего общения.

– В таком случае до сентября?

– Да, до сентября.

Мира махнула рукой в знак прощания и выпорхнула из вагона. Зорин посмотрел ей вслед, осталось весьма приятное

послевкусие.

Вспомнив всё это сейчас, он улыбнулся, наконец, завёл автомобиль и поехал домой. Виктория уже звонила.

– Ты сегодня выглядишь очень довольным, – заметила она, когда Вадим сел ужинать, устроилась напротив и наблюдала, как муж ест с завидным аппетитом.

– Ну, меня в сентябре всегда вдохновляет учебный год, – отозвался Вадим, отламывая хлеб, он всегда так делал – не откусывал, а отламывал маленькие кусочки, – пока нервы не потрепаны, пока студенты не проявляют лень или нахальство.

– Зорин, я раньше и представить себе не могла, что ты станешь преподавать, – Вика поднялась, поставила чайник.

– Почему? – жуя, поинтересовался Вадим, – по-моему, я серьёзный и солидный дядька, – он смешно надул щёки.

– Чай наливать? – поправляя очки, усмехнулась Виктория.

– Наливать, – кивнул Вадим, откинулся на спинку стула, – спасибо, милая, всё очень вкусно.

– Я старалась, – отозвалась Вика, поставила на стол чашку с дымящимся чаем, муж любил, чтобы было очень горячо.

– А себе? Ну, уж дудки, – возмутился Вадим, – хочу пить чай с халвой и Викторией, – пошутил он. Вика возражать не стала, хватит ссор на эту тему. Живет с Вадимом семь лет, в браке научилась многому, начиная от кулинарного мастер-

ства и заканчивая компромиссами, умением прощать и подстраиваться. Научилась ли? Вика задумалась. Страсть, которая её захватила в первое время их романа, с годами прошла, но на смену ей пришли привязанность, в хорошем смысле привычка, жизнь с понятием «мы». А всё-таки Виктории иногда казалось, что Зорин просто ей уступил, что он так и не проникся той силой любви, которую она хотела бы получить от него. Однажды Вика даже поделилась этой мыслью с Надей. Услышав такое, та очень удивилась. Они сидели на детской площадке, где Саша ловко лазила по лесенкам, а потом арендовала верёвочные качели и не слезала с них, время от времени призывая взрослых оценить масштаб ее раскачиваний.

– Почему ты решила, что Вадим тебя не любит? Что-то случилось? – тревожно спросила Надя. Сама она давно не видела Зорина, Вика в основном приезжала без него. Вадим частенько был занят, к бизнесу прибавилась сначала аспирантура, потом преподавательская деятельность. С Николая они периодически созванивались, Наде всегда передавались приветы.

– Да ничего не случилось, – поморщилась Виктория, – я не сказала, что он меня не любит. Скорее, не так, любить по-настоящему.

– А что в твоём понятии – любить по-настоящему? – задала вопрос Надя, наблюдая за дочерью. Та остановила качели и стала закручиваться в них вокруг оси.

– Хотела бы я тебе объяснить, да слов не подберу, – выдохнула Вика, сняла очки, стала крутить их в руках, – на самом деле, мы живём как многие супружеские пары – иногда ссоримся, устаём, не всегда понимаем друг друга, но пытаемся понять. Миримся, уступаем, причем не стану лукавить, Зорин идёт мне навстречу, он первым старается погасить конфликт или загладить вину. Он терпелив и более уравновешен, чем я. По крайней мере, чтобы его вывести из себя, надо постараться.

– Так что же ещё тебе надо, Вика? – поразились Надя.

– Есть что-то такое, в глубине его души, о чём он думает, может, даже сожалеет. И это тщательно от меня скрывается.

– А ты хочешь всё знать о своём муже? До самого дна?

– А ты разве нет? – Вика прищурилась.

– Нет, – не задумываясь, ответила Надежда, – я не стремлюсь знать то, что Коля решил от меня скрыть, я не хочу проникать в его сокровенное. У него должно быть не только личное пространство, но и душевные тайны.

– Но ведь ты его жена! Ты должна держать руку на пульсе.

– На каком пульсе, Вика? – улыбнулась Надя.

– Чтобы всё контролировать. Ты никогда не задумывалась, что в то самое его личное и сокрытое от тебя пространство влезет другая женщина?

– Ну почему же, задумывалась, – кивнула Надежда, – точнее, я допускаю, что в этой жизни может произойти всё. Увы, и такое.

– И что же?

Надя вздохнула, искала глазами дочь, та, обнявшись с какой-то девочкой, пыталась уместиться на качелях вдвоём.

– Что? Да ничего, пожалуй, – наконец, отозвалась Надежда, задумалась, – тут себя-то толком не знаешь, как поступишь, что в тот или иной момент выкинешь. А уж другой человек? Нет ни на что гарантий, Викуся. Я просто живу и благодарю Бога за такой подарок: муж, дочь. За то, что жива моя мама, хотя и часто болеет. Что у моего мужа мирные отношения с его отцом – это тоже для меня радость. Вот из таких радостей и состоит моя жизнь.

– А если Николая вдруг, – Виктория запнулась, – ну, обратит внимание на другую женщину?

– Мне будет очень больно, – тихо сказала Надя.

– Вот видишь! – воскликнула Виктория, – а это можно предотвратить.

– Нет, – покачала головой Надя, – этого не предотвратишь, даже если будет тотальный контроль. Доверять человеку всё равно надо, он не твоя собственность, он личность.

– Ещё скажи, что ты никогда не ревновала Николая, – засомневалась Вика, – при его-то внешности и профессии.

– Я и сейчас его ревную, – с улыбкой призналась Надя, – но люблю больше.

Глава 8

Николай посмотрел на часы, самолёт опаздывал всего на

час, уже неплохо, если учесть, что в последнее время авиаперелеты часто сбиваются с назначенного времени. Опоздания стали нередкими, порой люди в аэропортах проводят полдня, а то и по целому. Фертовский понял, что волнуется, понял только сейчас, когда вот-вот увидит сына.

Они не встречались семь лет, он, как женился на Наде, больше в Америку не летал. Сын на известие отца о женитьбе отреагировал негативно, подросток едко высказался в адрес его жены, хотя, конечно, не видел её, и понятия не имел, кто она такая. Однако сразу не принял. В итоге с отцом произошла ссора, тот упорно защищал новую миссис Фертовская. Вилли обиделся, не звонил, на звонки не отвечал. А отец после нескольких неудачных попыток найти компромисс и понимание, просто замолчал.

Спустя год после ссоры Вилли позвонил дед и радостно-возбуждённо сообщил, что у Вилли родилась сводная сестра. Его поразили два обстоятельства: что у отца все так серьёзно – даже дочь родилась, и что дед так счастлив. Странно, что дед этому радовался. Невестка плебейка, да ещё хитрая – сумела взять в оборот отца. Ну ладно, это ещё можно как-то объяснить, а вот то, что дед её принял и полюбил? Его родной дед – сноб, каких еще сыскать, «голубая» кровь, вдруг так переменялся. Он напрямую сказал об этом деду, тот не понял, даже обиделся. Вилли возмущённо рассказал обо всём матери, та пожалала плечами и сказала, что её давно не интересует ни бывший муж, ни его отец. И если бы

не сын, ей бы ничего о них не напоминало. Хотя зла она не держит, просто события той русской жизни теперь уже кажутся далёкими и чужими. Ну, а если отец Вилли счастлив, в конце концов, что тут плохого?

– И ты не ревнуешь? – удивился Вилли, – тебя не задевает это обстоятельство?

– Ничуть, – отозвалась она, – в другой ситуации мне было бы даже интересно посмотреть на женщину, которая сумела влюбиться в себя твоего отца.

– Но ты когда-то влюбила его в себя – первой, – заметил Вилли.

– Не думаю, – покачала головой Маргарита, – скорее всего, это был протест. Вот поэтому у меня нет никакого желания снова появляться в поле зрения семейства Фертовских, да и в России тоже.

– А я бы посмотрел, – задумчиво произнёс Вилли.

– Не вижу проблем, поезжай в Россию, – предложила Маргарита, у неё зазвонил телефон, она отвлеклась и к этому разговору больше не возвращалась. А её сыну все больше хотелось отправиться в Россию. Тем более что он там давно не был, с самого детства, как увезли.

«Что ж, – подумал он, собираясь в дорогу, – есть повод помириться с отцом, посмотреть на новых родственников, да и вообще не помешает из страны исчезнуть на время».

С этими мыслями он сначала дозвонился до деда, поговорил с ним, заикнулся о своем желании приехать, на что дед

отреагировал бурно и тут же согласился сообщить об этом сыну.

Николай воспринял новость сдержанно, но, видя, как отец ей рад, улыбнулся. Решили, что Володя остановится в доме у Николая, пусть познакомится с Надей, со своей сестрой, узнает их, полюбит. В конце разговора Фертовский-старший признался сыну, что время от времени созванивался с внуком, сообщал ему новости, кроме одной – что сам женился. Николай удивленно приподнял брови.

– Ты скрыл факт своей женитьбы на Маше? – переспросил он. Владимир Григорьевич поднялся с кресла, подошёл к окну.

– Скрыл, – подтвердил он, не оборачиваясь, – я, пожалуй, сам толком не знаю – зачем. Нет, это не трусость, я не боюсь огласки, не боюсь осуждения, меня не беспокоит, что подумают другие, в том числе и мой родной внук.

– Тогда что? – Николай силился понять.

– Если бы я мог, я бы спрятал Машу от всего мира, чтобы защитить её, не дать обидеть никому, даже ненароком. Она бесконечно дорога мне.

– Думаю, что мой сын это поймёт, – Николай похлопал отца по плечу.

– Надеюсь, – кивнул тот в ответ.

Вилли в аэропорту увидел отца раньше, чем тот его. Немудрено, всё-таки он изменился куда заметнее – вырос из мальчика в мужчину, отец же просто постарел. Сколько ему?

Сорок пять? Не старик, конечно, хотя виски чуть-чуть тронула седина. В остальном также подтянут, одет в легкую кожаную куртку, джинсы. Вилли оглянулся на толпу, всё чужое – люди, аэропорт, суета, вывески. Вот только язык – мама всегда заставляла его говорить на русском, учить и помнить. Дома они говорили исключительно на русском, хотя сначала это раздражало его отчима, потом тот привык. Всё остальное время своей жизни Володя был Вилли, говорил и думал на английском языке.

Николай, наконец, увидел сына и помахал ему рукой. Да уж, вымахал мальчик, ростом даже перегнал его.

– Здравствуй, папа, – чуть замедленно выговаривая фразу, сказал молодой человек.

– Здравствуй, сынок, – Николай тепло улыбнулся и обнял его. Несколько секунд держал в крепких мужских объятьях. – Как ты долетел? Рейс задержали, – сказал он, ослабил объятья и теперь внимательно вглядывался в лицо сына.

– Да, в связи с погодными условиями, – Вилли выловил свою сумку и, пресекая попытки отца взяться за его багаж, повесил на плечо. Они направились к автомобилю.

– Как ваши дела? Ваши с мамой дела? – уточнил Николай, садясь в машину.

– Всё нормально, они с отчимом отправились отдохнуть на побережье, – Вилли с любопытством смотрел в окно. Всё-таки непривычно – Россия. Он почти забыл эту страну.

– Ты так и не называешь его отцом? – Николай вырулил

на шоссе, встал в длинный ряд машин.

– Нет, всегда по имени, – ответил Вилли, – по-моему, как бы я его не называл, ему всё равно. Он живёт в своем мире и ему это нравится. А ещё ему нравятся мамины деньги, потому что Сэм не очень любит работать.

Николай никак не прокомментировал слова сына, внимательно смотрел на дорогу. Та жизнь тоже стала для него далёкой, многое забылось, ушло из памяти. Вот и от сына почти отвык. Тем более что Володя стал уже взрослым и чужим. Это проявилось особенно сейчас, по крайней мере, первое впечатление осталось именно таким. Его настороженный взгляд, акцент в речи, понятно, что он привык говорить на другом языке. Хорошо хоть, что Маргарита не дала ему забыть русский. Его улыбка – она тоже какая-то американская. Хотя... Николай внимательно посмотрел на сына – скорей всего, просто отвык и всё тут. Молодой человек перехватил его взгляд, ухмыльнулся.

– Недавно по телефону я спросил грандпа, известно ли ему что-либо о моей бабушке Софии, – сказал Вилли, – раньше он на эту тему вообще не желал говорить, в лучшем случае, сменил бы тему, а сейчас отозвался спокойно: очень давно не слышал о ней. Чтобы это значило? – он приподнял брови.

– Тебя удивляет, что дед так отреагировал? – уточнил Николай.

– Именно, – Вилли, намереваясь закурить, сунул в рот си-

гарету, щелкнул зажигалкой, раз-два, никак не получилось её зажечь. Николай курить отказался, не хотелось. Подал сыну свою зажигалку.

– Интересная вещица, – Вилли стал внимательно рассматривать, – дорогая, я правильно думаю?

– Не очень, – ответил Николай.

– Так что же грандпа?

– Он изменился за эти годы, – сказал Николай и посигналил почти заснувшему впереди водителю на Тойте, – стал мягче, лояльнее.

– И чем вызваны эти перемены? – удивился молодой человек.

– Скорее, кем, – мягко улыбнулся Николай, – впрочем, ты всё скоро узнаешь.

– Даже так? – Вилли выпустил струйку сигаретного дыма. – Мы сейчас к грандпа?

– Нет, устройшься у меня в доме, отдохнешь. А вечером соберётся вся семья – знакомиться.

– О’кей, – кивнул Вилли. Будем знакомиться со всеми. Да и вообще, решение поехать в Россию стало, пожалуй, самым правильным.

Пока ехали по Москве, Вилли смотрел в окно и удивлялся. Он плохо помнил столицу – увезли отсюда мальчишкой. А теперь изменился и он, и Москва тоже.

Прошёл дождь. Воздух после него стал влажным. Жёлтые падающие листья ветер подхватывал и перегонял с места на место. Конечно, в центре Москвы асфальт чистый, листья убирают, а вот во дворах и переулках они остаются. Самые красивые осенью клёны, их узорчатые многоцветные листья на редкость романтичны, потому и собираются в букеты.

Из поликлиники шли пешком. Пока гуляли, Саша собрала целый букет из кленовых листьев. Затем упросила маму зайти в кафе. Они уселись за маленький квадратный столик, Саша болтала без умолку – была в приподнятом настроении.

– Сначала пюре, мороженое потом, – предупредила Надя, но Саше есть пюре вовсе не хотелось, она размазывала его по тарелке, делала «горы», затем их расплющивала и говорила, говорила обо всём, что приходило в голову. Наконец, Надя не выдержала:

– Александра Николаевна, ты забыла пословицу: когда я ем, то глух и нем, – сказала она. На что дочь нахмурилась, но пюре всё же есть принялась. Ну, вылитый папа, когда обижается! Надя усмехнулась.

Официант вовремя принёс креманку с мороженым – Саша успела доесть пюре.

– Ура! – обрадовалась девочка, схватила ложку, поднесла её ко рту, зажмурилась от удовольствия.

– Вкусно? – спросила Надя у дочери, та кивнула. – А мне дашь попробовать?

– Мамочка, я тебя не слышу, – хитро улыбнулась девочка,

на щеках ямочки.

– Доченька, дай мне попробовать твоё мороженое, – громче произнесла Надя, сама едва сдерживала улыбку.

– Мамочка, ну я просто не слышу тебя, я же ем, как в поговорке.

– Ах ты, проказница! – обе засмеялись. Их хорошее настроение передалось и пожилому мужчине, сидящему за соседним столиком, он пил чай и читал газету. Заметив двух весёлых соседок, сдвинул очки на кончик носа и внимательно посмотрел на них.

Вот бывает же так, когда незнакомые люди неожиданно заражают тебя хорошим настроением, просто так. Ты словно поймал их флюиды, состояние души. Это происходит тогда, когда человек счастлив. Пусть на короткий период, даже мгновения, но порой достаточно и этого, чтобы ощущение внутренней радости передалось другим.

Пожилой мужчина ещё раз посмотрел на женщину и ребёнка, мама и дочь, это понятно. Как и понятно то, что они очень любят друг друга, что они дружны. Мужчина улыбнулся, отпил глоток чая.

Вилли проснулся от того, что ощутил на себе взгляд. Он, как только отец привёз его в свой дом, резко почувствовал, что устал с дороги. Всё-таки перелёт был очень долгим. Сославшись на накатившую сонливость, связанную с переменной часовых поясов, он отказался от обеда. И, как только го-

лова коснулась подушки, провалился в глубокий сон. Проспал до самого вечера. Спал бы и дольше, если бы не эти тёмные пронзительные глаза.

– Ты кто? – спросил он, хотя спросонья уже догадался, кто его разбудил.

– А ты кто? И почему ты спишь? – она была сама серьёзность. Стояла перед его кроватью. Белая футболка, зеленые штанишки, волнистые темные волосы затянуты в хвост на затылке. Такая маленькая серьёзная женщина.

– Я первым спросил, – Вилли поёжился от её пристально-го взгляда.

– Я здесь живу, – она так представилась. Ни имени, ни чья дочь. «Я здесь живу». Чётко заявила о своих правах.

– Понятно, – Вилли ухмыльнулся. – Я приехал из далекой страны. К своему отцу. Тебе это ясно?

– Да, – она поджала губы, – скоро приедет дедулька с Машей. Будем ужинать, – она развернулась, чтобы уйти.

– С Машей? – переспросил Вилли, но девочка уже покинула комнату.

Через несколько минут появился отец.

– Володя, ты уже проснулся? Это хорошо. Одевайся, умывайся, выходи на ужин.

– Папа, кто такая Маша? – молодой человек сел на кровати.

– Маша? Откуда ты узнал про Машу? – удивился Фертовский.

– Заходила одна мисс, которая разбудила меня и упомянула о Маше. Правда, ничего не объяснила.

– Я так понимаю, тебе нанесла визит Саша? – усмехнулся Николай. Вилли тем временем стал одеваться. – Проказница, ведь предупреждал её тебя не будить и не тревожить.

– Непослушная?

– Нет, обычно как раз слушается. Саша разумная и воспитанная девочка. Но как все дети весьма любопытна. Ладно, пора к столу, там всё и узнаешь, приходи, мы тебя ждем, – с этими словами он ушёл.

Вилли умылся, посмотрел на себя в зеркало – на щеках лёгкая щетина, надо бы побриться, но нет уже времени. Ладно, сойдёт и так, перед кем тут красоваться? Перед женой его отца, которая, Вилли был почему-то уверен, ничего собой не представляла. Наверняка ещё и некрасивая. Хорошо, что девчонка на неё не похожа.

С этими мыслями Вилли вышел в коридор, резко дверь открыл и кого-то задел.

– Надо смотреть, куда идёте, – вместо извинения раздражённо выдал Вилли. В следующий момент увидел девушку, она тёрла ушибленный лоб.

– Простите, – сказала тихо и пошла дальше по коридору.

«Наверное, помощница по дому или няня девчонки», – решил молодой человек, в любом случае прислуга, а не хозяйка дома. Отцу не мешало бы купить собственный дом, а не жить в квартире, хотя комнат и предостаточно.

– Добрый вечер, – Вилли вошел в столовую, отец пояснил, как её найти.

– Володя, мальчик мой, – дед быстро подошёл к нему и заключил в крепкие объятия, затем сентиментально облобызал. Молодой человек едва заметно поморщился, не привык к такого рода проявлениям чувств. – Как же ты вырос! Стал совсем взрослым. А порода, порода-то наша, – он всматривался в лицо внука. – Как ты долетел? Всё хорошо? Успел отдохнуть?

– Да, нормально, – бесцветно ответил Вилли.

– Давай я тебя со всеми познакомлю, – вставил свое слово отец. И только тут Вилли заметил, что за столом две молодых женщины, – Надежда, – обратился его отец к тёмноволосой даме, сидевшей рядом с ним, – позволь представить тебе моего сына Володю. Наденька – моя супруга.

Она мягко улыбнулась, протянула ему руку. Вилли смотрел на неё оценивающе, не удостоил даже легкой улыбки.

– А это наша Мария, – сказал отец, Вилли перевёл на неё взгляд. Ну да, та самая девица в коридоре. Зачем только представлять прислугу за столом? – Машенька, – отец сделал паузу, – жена твоего деда, – на эту информацию у Вилли вытянулось лицо.

– Grandpa?? – он решил, что это шутка. Дед крикнул и смутился.

– Ну да, я не говорил тебе об этом, – вынужден быть пояснить, – я женился. Маша – моя жена. Уже семь лет, – с

этими словами он ласково прикоснулся к её руке, Маша с нежностью посмотрела на супруга.

Вилли был настолько поражён новостью о жене деда, что, молча, сел на предложенное отцом место.

Глава 10

Мира с Таисьей сидели в кафе, до занятий оставалось ещё полтора часа. Они ждали Вадим Георгиевича, тот задерживался. Наконец появился, вбежал в кафе, быстрыми шагами пролетел мимо студенток.

– Вадим Георгиевич, – тонким голоском позвала его Таисья. Он обернулся, повертел головой, увидел их. Сел рядом с Таисьей, перевел дух. Мира внимательно посмотрела на него: вид усталый, молчит.

– Вадим Георгиевич, – обратилась она, – у нас есть для вас скромный, но от души, подарок, – с этими словами достала из сумочки брелок-ракушку, вроде просто, но как изящно сделана – обтесана с двух сторон так, что остался один остов, похожий на сердце. Вадим поднес брелок близко к глазам.

– Забавная вещица, – наконец улыбнулся тепло, как он умел, – спасибо, мои дорогие. И откуда вы узнали, что мне нужен именно такой брелок? Правда-правда, очень нужен, – он подмигнул Таисье, та зарделась.

За кофе разговорились о том, кто и где отдыхал летом. Мира призналась, что нашла в интернете последнюю статью Зорина об экономических рисках. Стала задавать вопросы,

он заметно оживился, принялся ей пояснять кое-какие тонкости. Таисья слушала с не меньшим вниманием. Всё-таки эти двое обладали удивительным умением поддержать разговор, по ходу, успевая, ещё подтрунивать друг над другом.

Зорин рассказал, как со своими двумя студентами обсуждал антикризисное управление, моменты, которые им рассказывали на лекциях. А когда студенты на экзамене попытались высказать свои измышления, в том числе и объяснения Зорина, получили тройки. После экзамена с юмором укорили его, что он лишил их «невинности», научив мыслить нетривиально. Мира и Таисья засмеялись.

Вадиму нравилось чувство юмора и реакция обеих девушек. С ними он расслаблялся и отдыхал. Таисья больше помалкивала, но внимательно слушала, ей было всё интересно. Мира же предпочитала вести диалог, острить и умничать. Но умничала к месту. Вадим ещё раз внимательно посмотрел на неё: за лето уже успел отвыкнуть от её необыкновенных глаз, от её какой-то особой ауры. Невероятная девушка, нестандартная как внешне, так и характером.

– У вас на старших курсах будет один из сложнейших и одновременно интереснейших предметов, – Зорин отпил латте из стакана с ручкой, здесь подавали именно такой, – «Финансирование инновационной деятельности», думаю, вы попадете к Ольге Ивановне Талун. Я когда-то у неё учился. Прекрасный преподаватель, одна из лучших в ВУЗе, умна, проницательна, влиятельна как кардинал Ришелье. Рекомендую

учиться у неё добросовестно, во все вникать, сдавать вовремя работы, тогда получите не только «пять» на экзамене, но и огромный багаж знаний. Если что, обращайтесь ко мне за помощью, помогу, чем смогу. Но думаю, вы и сами справитесь, вы же дотошные и зубрилки, – он усмехнулся.

– Вадим Георгиевич! – возмутились обе.

– А что такого? – пряча улыбку, спросил он, – я тоже зубрилка и ко всему прочему зануда.

Зорин опять расплатился за всех, пошутив, что когда он будет на мели, то примет помощь от своих любимых студенток. Пока шли до университета, разговорились о литературе. Кто бы сомневался, что Вадим Георгиевич ещё и начитан. Мире это особенно пришлось по душе. Перед тем, как попрощаться и разойтись по аудиториям, Таисья вдруг выдала тайну, что на следующей неделе у Миры день рождения. Зорин оживился, сказав, что они всенепременно должны встретиться и отметить это событие. Условились созвониться. Расстались, когда звонок повсюду оповещал о начале занятий.

После занятий Мира и Тая спустились в метро, всю дорогу радостно щебетали, делились впечатлениями. На своей остановке Таисья, попрощавшись с подругой, вышла. Оставшись одна, Мира достала книгу и уткнулась в неё. Напротив Миры уселись две девицы и принялись что-то шумно обсуждать.

На одной из остановок в вагон зашел молодой человек.

Плюхнулся рядом с читающей Мирой. Посмотрел на неё весёлым, но слегка мутным взором. Она никак не отреагировала. Стук колёс, мерное покачивание поезда, народу мало, нет суеты и духоты. Пьяненький молодой человек закрыл глаза и стал проваливаться в сон. Голова его всё больше и больше склонялась в сторону читающей соседки. Наконец, ощутив её мягкое плечо, молодой человек пристроил голову именно на нём. На Мире была вельветовая куртка. Минут через пять молодой человек, не открывая глаз, сделал движение рукой, поправляющей и взбивающей подушку. Мягкий подплечник куртки Миры и показался ему во сне подушкой.

Мира в удивлении наблюдала за его действиями. Девицы, что были напротив – хихикали. Мира усмехнулась – пусть он спит.

Перед одной из остановок молодой человек проснулся, несколько секунд приходил в себя, скорей всего, хмель прошёл, по крайней мере, глаза стали ясными и даже округлились. Поскольку он обнаружил себя дремавшим на плече у совершенно незнакомой ему девушки, покраснел как варёный рак, резко отодвинулся.

– Простите, пожалуйста, – пряча глаза, выдавил из себя, – я уснул на вашем плече. Я немножко выпил, за руль нельзя. Пришлось спуститься в метро. А тут ваше плечо... – он запнулся, осознав, сколь нелепо звучат его объяснения.

– Ничего-ничего, лишь бы вам было удобно, – иронично отозвалась Мира.

– Простите ещё раз, – он, наконец, внимательно посмотрел на девушку, но та уже уткнулась в свою книгу. Длинные ресницы, слегка вздёрнутый нос, на шее выбившаяся из хвоста прядь вьющихся волос, таким тёмным витком. Почему-то именно этот вьющийся локон его буквально заворожил. Или хмель всё ещё не прошёл?

Молодой человек кашлянул. Девушка перевернула страницу. Надо же, читает простую бумажную книгу, не электронную. И сама вся какая-то уютная, мягкая, как и её плечо. Он опять покраснел.

– А что вы читаете? – спросил он, облизывая пересохшие губы.

– Роман, – ответила она, не поднимая глаз.

– Интересно?

– Очень. Это умная книга, – она захлопнула том, быстро убрала книгу в сумку, не давая ему возможности прочесть название. Поднялась с места и направилась к дверям вагона.

– А можно, – молодой человек замялся, – можно я вас провожу? – сказал это, сам от себя не ожидая.

– Зачем? – Мира обернулась и посмотрела на него серьёзно, даже строго.

Глава 11

Вилли лёг на кровать поверх одеяла, вытянулся, руки за голову. Спать не хотелось, выспался днём, да и мысли мешали. Огороченный новостью о женитьбе, он за время ужина

ни с кем не разговаривал, кроме grandpa – лишь однозначно отвечал на какие-то вопросы, которые тот задавал. Grandpa же, напротив, был, как никогда, оживлён, что-то рассказывал о своих студентах, шутил, ухаживал за женой, с нежностью заглядывая ей в глаза. Вот именно это больше всего и раздражало Вилли. Маша ему не понравилась, а теперь ещё и сентиментальность grandpa, которую она, скорей всего, и пробудила в нём. Что же в ней нашел grandpa? Она за весь вечер не выдала больше трёх предложений, правда, к месту, но не более. Нет, факт очевидный, что она не пара ему. Вилли даже фыркнул.

– Николенька, – Надя расчёсывала волосы у зеркала, её муж, полулежа, читал в кровати.

– Да, милая, – он поднял глаза.

– Ты заметил, как за ужином Володя смотрел на Машу? – произнесла она задумчиво.

– Как?

– Странно, вот как, – Надя обернулась к Николаю.

– Что ты имеешь в виду? – он отложил книгу в сторону.

Не отмахивался сразу от слов жены, как другие мужья, зная, что Надя в силу своей природы и профессии весьма наблюдательна.

– Сама пока не понимаю. Но мне почему-то тревожно.

– Думаешь, Маша ему понравилась? – предположил Николай, – да, она молода, привлекательна, но она жена его де-

да. Любящая и любимая.

– Нет, мне кажется, о симпатии нет и речи, даже наоборот, – Надя вздохнула, положила расчёску, села на кровать возле супруга, – что-то у меня разыгралась фантазия, да? – она смущённо улыбнулась. Фертовский прижал жену к себе.

– Ты же творческая личность, – чмокнул её в нос.

– А меня поцеловать? – в дверях стояла Саша.

– Вот те раз, – удивился Николай, – не далее, как час назад я уложил спать одну прелестную девочку.

– Папочка, – Саша подбежала и с размаху приземлилась ему прямо на живот, – я тебя люблю, – крепко обняла отца.

– Это вовсе не девочка, это лисица, – она пощекотал дочь, та захихикала, заёрзала, чуть не свалилась с кровати.

– Папулечка, можно я останусь с вами? – попросила Саша, заглядывая отцу в глаза, – ну пожалуйста, я буду спать тихо-тихо.

– А ты у мамы спрашивала разрешения? – пряча улыбку, спросил он.

– Мы с ней ещё не советовались, – выдала девочка.

Надя проснулась от толчка в бок. Открыла глаза, повернулась: ну так и есть – Саша спала поперёк кровати, Коля притулился где-то с краю. Надежда поднялась с кровати, подошла к окну. Москва, полночь. Столица ещё не погрузилась в сон, горят вывески, реклама, едут автомобили. Блестит влажный асфальт, вечером опять прошёл дождь. Надя

любила начало осени, воздух становился особенным – густым, пахло листьями, овощами и фруктами. Наступало «бабье лето» – уютное, тёплое. Кроме того, художник по имени Осень размашисто-щедро окрашивал листья в яркие праздничные цвета. Ночи, конечно, были прохладными, но всё равно осень дивна по-своему. Московская осень.

Надя обернулась, Саша во сне сменила позу и теперь обнимала отца. Забавные такие – оба темноволосые кудрявые, Саша – маленькая копия своего отца. Копия...

Надежда задумалась. Вспомнилось первое впечатление при встрече с сыном её мужа. Такой же высокий плечистый, волосы, правда, светлее. В чертах лица вроде бы проглядывалась порода Фертовских – ямочка на подбородке, прямой нос, мимика похожа, а вот взгляд не такой, как у отца, да и глаза... Какие же у него глаза? Серые что ли? Даже светло-серые, льдистые, словно прозрачные. Вот почему они не кажутся такими красивыми, как у Николеньки. И взгляд не добрый, словно оценивающий. Надя обхватила себя за плечи – зябко. Всё же странно он смотрел на Машу.

– Замёрзла? – муж обнял её сзади. В первую секунду она вздрогнула. Надо же, не слышала, как он проснулся и подошёл к ней.

– Немножко, – обернулась и прильнула к нему.

– Когда тебе не спится, значит, ты чем-то обеспокоена, – заключил Николай.

– Ты тоже, – улыбнулась Надя, – Коля, скажи, твой сын

похож на Маргариту?

– На Маргариту? – он задумался. – Надо же, я забыл её лицо, – усмехнулся, – где-то были фотографии, не знаю, где. Да и зачем они мне? Сейчас те времена мне кажутся такой давностью, словно не были и вовсе, или будто я посмотрел кинофильм. Наверное, похож, в нём всего намешано. Да, и Володя всегда был замкнутым мальчиком.

– Тебя тоже не назовёшь открытым, – заметила Надежда.

– Это верно, – согласился Николай, – наше семейное качество. Мой сын всегда был недоверчив, отстранен, хотя за эти годы, может, и изменился. Приехал же в Россию.

– Он говорил о своих планах? Займётся чем-нибудь или будет отдыхать?

– Когда я намекнул, отозвался неопределённо. Думаю, пока решил осмотреться. У меня ощущение, что он тебе не понравился, я прав?

– Что ты, всё хорошо, – Надя поцеловала мужа, – идём спать.

Утром выглянуло солнце, забралось в комнату и игриво поскакало по подушке. Суббота. Надежда любила утро субботы. Позади рабочая неделя, усталая пятница пришла к завершению, утро субботы самое сладкое. Да ещё если солнце за окном, а твои близкие проснулись, но тебя будить не стали, дав возможность выспаться.

Надя встала в дверях кухни: картина просто идилличе-

ская: на муже и дочери кухонные фартуки, Саша возится в миске с творогом, по всему столу рассыпана мука, в том числе и на самой Саше. Муж варит кофе.

– Доброе утро, мои дорогие! – улыбнулась Надя, потянулась. На неё посмотрели две пары карих глаз. Лучшие в мире муж и дочь, которые готовят завтрак.

– Доброе, родная, – Николай тепло улыбнулся в ответ.

– Доброе утро, мамочка, – прозвенела Саша, продолжая мешать творог руками, вымазалась ещё больше, зато всё делает сама.

– Эта девочка отдаленно напоминает мне мою дочь, – Надежда подошла к ней, осмотрела со всех сторон, – только уж больно чумазая.

– Я делаю сырники, – с важным видом заявила Саша, – помогаю папе.

– Это папа помогает тебе, – уточнил он, – потому что Александра Николаевна у нас главная, папа лишь в помощниках ходит.

Саша налепила сырников таких кривобоких, таких разных по размеру, что хоть переделывай, но Надя не стала – пусть будут все разные, зато дело Сашиных рук. Надо лишь пожарить всю эту рукотворную красоту. По кухне поплыли чудесные запахи кофе и жареных сырников. Ну что за прекрасное утро! Надя села за стол, её даже обслужили. В чашке дымился кофе, на большом цветастом блюде горкой лежали румяные кривобокие, но такие вкусные сырники. Са-

ша нечаянно положила в них сахара в два раза больше, чем надо.

– Доброе утро, сынок, – Николай первым увидел в дверях Вилли. Тот что-то буркнул в ответ. Просканировал обстановку своими льдистыми глазами, чуть заметно скривил губы. Ленивой походкой подошёл к столу.

– Будешь завтракать? У нас сегодня сырники. Саша делала их сама, – не без гордости сообщил Николай. Вилли посмотрел на блюдо.

– Я такое не ем, – взял со стола хлеб с сыром, уселся напротив Нади. Саша сдвинула брови и поджала губы.

– Доченька, а пойдём с тобой гулять? – Надя моментально поняла, что минута и Саша заплачет. – В парк, как я обещала?

– Налей мне кофе, папа, – Вилли самодовольно посмотрел вслед ушедшим жене его отца и её дочери.

Глава 12

Мира ждала в кафе, Тая позвонила и извинилась, что не сможет пораньше вырваться с работы, подъедет только к занятиям. Вадим Георгиевич обещался быть. Звонил два дня назад, поздравлял Миру с днем рождения, правда, проявился лишь к вечеру, отшутившись, что звонит последним, но надеется, что не последний в её жизни. Мира уверила – всё именно так.

За окном непогодило, к вечеру поднялся ветер, набежали

тучи и тяжело зависли на небе, хотя дождя всё ещё не было. Листья, поднимаемые ветром, хаотичным ярким фейерверком кружились за стеклом. Мира задумалась, вспомнила о случае в метро, как молодой человек уснул на её плече, затем увязался провожать. Почти всю дорогу до её дома молчал, странный какой-то. Извинился, попрощался и исчез. Растворился в ночи, как сказал бы поэт.

Мира не увидела Зорина в окно, да и как он входил в кафе – тоже, поэтому вздрогнула от неожиданности, когда он поднес к её лицу розу. Огромную пурпурную.

– Ещё раз с днем рождения, Мира, – улыбнулся.

Роза, и правда, была очень большой и невероятно красивой.

– Да, чуть не забыл, – он хлопнул себя по лбу, – у меня же для вас ещё подарок, – с этими словами достал из рюкзака что-то в бумажном пакете, – думаю, вам это понравится, держите, – протянул девушке пакет. Мира заглянула внутрь – книга! Тут же достала её: «Имя розы» автор Умберто Эко. Подняла на Зорина глаза:

– Вадим Георгиевич, большое спасибо! – воскликнула радостно, – я люблю читать. Спасибо, как же вы угадали! Здорово! – глаза её засияли так, что Зорин смутился.

– Да не за что. Но я рад, что вы довольны, – он слегка покраснел. – Мира, а вы заметили, что между подарками есть связь?

– Связь? – она на секунду задумалась. – Ну, конечно,

«Имя розы» и вы подарили мне розу! Ого, Вадим Георгиевич, признайтесь, что это не совпадение?

Он опять улыбнулся.

– Потрясающе! – Мира погладила добротную толстую обложку книги, затем посмотрела на розу, – как же это изысканно и я бы даже сказала – чуточку волшебно.

– Право слово, не преувеличивайте, – польщённый Зорин отпил свой кофе, – но всё равно мне приятно. Вы же не читали «Имя розы»?

– Нет-нет, – Мира рассмотрела обложку, затем полистала книгу, бумага качественная белая. Место, где была цена, закрашено маркером, девушка, заметив это, улыбнулась. Наверное, книга стоит недёшево, – с удовольствием возьмусь читать.

– Потом расскажете о своих впечатлениях, – попросил Зорин, – я прочёл её буквально за сутки, читал даже ночью. Так увлёкся, что не хотелось оставлять на завтра.

– Замечательно, – Мира с нескрываемым удовольствием смотрела на книгу, розу и Вадима Георгиевича. Какой он всё-таки удивительный, в нём и романтизм, и деловитость, и чувство юмора. Он может быть мягким, а может быть строгим и даже несдержанным, она видела, как однажды на лекции он кричал на нерадивых студентов, правда, было за что. Он тогда основательно разозлился.

– Мира, если вы, не против, я бы порекомендовал вам ещё несколько занимательных книг, – предложил Зорин, увле-

ченный темой и не замечающий, что Мира им любит.

– Пожалуйста, Вадим Георгиевич, порекомендуйте, – кивнула она. А сама, пока он говорил, внимательно рассматривала его лицо. Ресницы такие густые, что цвет глаз кажется темнее – почти карим, хотя на самом деле глаза зелёные. Брови широкие, нос крупный, на подбородке едва заметная ямочка, на щеках щетина. Лицо мужественное и по-своему красивое.

– Если хотите, в следующий раз я привезу вам пару-тройку книг, о которых говорил, да? – спросил он.

– Конечно, хочу! – воскликнула она. Это означало, что следующий раз обязательно будет.

– Среди мной особенно уважаемых писателей выделю Марио Варгаса Льюсу, – Зорину нравилось, как эта девушка его слушает – внимательно, заинтересовано. Ей было интересно, он это видел.

Мира пришла на семинар с огромной розой. У Таисьи от удивления вытянулось лицо.

– Ого, – тихо сказала она, когда сияющая подруга села рядом, шлёпнула на парту тетрадный блок. Учёба, конечно же, не шла в голову. – Зорин подарил? – Тая разглядывала цветок.

– Да, – кивнула Мира, – ещё и книгу, – она вытащила из пакета роман, – смотри, название тоже связано с розой.

– Ух ты, – восхитилась Тая и тут же притихла – начался

семинар. Мира сидела отрешённая, временами чему-то улыбалась, поглядывала на розу.

После занятий подруги резво добежали до метро, сели в последний вагон.

– Всё это, конечно, красиво – роза, книга с таким же названием, романтично, – осторожно начала Таисья, – но...

– Что «но»? – снисходительно улыбнулась Мира. Она находилась в состоянии невероятной эйфории, чтобы не говорила Тайка, ей не понять и не прочувствовать, что это такое – получить подарок от Зорина.

– Ты увлеклась, – сказала Таисья, понимая, что сейчас состоится разговор с глухим человеком. Но попытаться всё же стоит.

– Увлеклась чем? – спокойно переспросила Мира.

– Скорее, кем, – Таисья выразительно подняла брови.

– Если ты имеешь в виду Вадим Георгиевича, то ничего такого, поверь. Я не переступлю эту грань, отдавая себе отчёт в том, что происходит. У меня всё под контролем, – кивала головой.

– Хорошо если так, – с сомнением в голосе заметила Таисья, – но тебе только кажется, что чувствами можно управлять. В какой-то момент ты сама не заметишь, как что-то пойдёт не так, выйдет из-под контроля. Поэтому просто необходимо держать дистанцию.

– О, мудрейшая, слушаю тебя и твои речи, я склонна подозревать о наличии горького опыта в амурных делах, – съёр-

ничала Мира.

– Опыт тут ни при чём, – буркнула Тая, – просто я рассудительная и не поддаюсь эмоциям в такой степени, как ты, – она поднялась с места, двери поезда вот-вот откроются, – подумай над моими словами.

Мира пожала плечами, спорить и что-либо доказывать ей вовсе не хотелось. Только поссоришься, да и настроение испортишь. А оно сегодня такое хорошее, приятное чувство теплоты, кажется, заполнило тебя с головы до ног. Вадим Георгиевич... она закрыла глаза, представила себе его лицо. По телу побежали мурашки.

– Сегодня вы не читаете, – услышала над самым ухом, резко открыла глаза – вот уж неожиданная встреча, – красивая роза, – добавил он. Да-да, тот самый странный молодой человек.

Сегодня он был трезв, пристально смотрел на Миру.

– Что, сломалась машина? И вы решили опять почтить своим присутствием московский метрополитен? – съязвила она. Ещё в тот раз успела заметить его довольно дорогое пальто, начищенные до блеска ботинки, модную стрижку.

– Примерно так, – хмыкнул молодой человек, – вам идёт сарказм, продолжайте в том же духе.

– Вот ещё! – фыркнула Мира и поднялась с места. Ей скоро уже выходить, да и разговаривать с этим пижоном сидя неудобно – всё время приходится задира́ть голову.

– Пойдите, – он дотронулся до её локтя, Мира отшатну-

лась.

– Не прикасайтесь ко мне! И провожать меня на сей раз не надо, – жёстко сказала она.

– Может, тогда дадите номер вашего телефона?

– Ни за что!

Глава 13

– Тебе не кажется, что прозвучало резко? – спросил Николай, допивая кофе.

– Что ты имеешь в виду? – с самым невинным видом произнес Вилли.

– Ну, я сам в твоём возрасте отличался резкостью и бескомпромиссностью суждений, еще и максимализм выпирал, однако с годами понял, что тактичность, доброта и мягкость помогают в жизни куда больше.

– Чем же они, интересно, помогают и кому? – молодому человеку стал быстро надоедать этот разговор, теперь отец взялся читать ему нотации и учить жизни. Достаточно того, что регулярно это делает мать.

– Тебе помогают, тебе самому. Помогают жить в этом мире гармонично с собой и с окружающими.

Вили опять посмотрел на сырники и скривил губы.

– Где ты её нашел? – помолчав, спросил он.

– Кого? – Николай стал загружать моющую машину.

– Свою жену. Где ты с ней познакомился?

– Ну, если быть точным – в деревне, – улыбнулся Николай,

– это романтическая история.

– В деревне и романтическая? – хмыкнул Вилли.

– Именно так. Представь себе, в жизни случается всякое.

– А ты изменился, отец, – покачал головой молодой человек, – изменился и очень заметно, – добавил он и понял, что ему это совсем не нравится. Какие-то семь лет назад в жизнь семейства Фертовских вошли две женщины и изменили не просто характеры мужчин, но и их мировоззрение. Причем обе женщины из другого социального слоя, куда хуже. Внешне? Красоты особой там тоже не заметно. Чем же они так покорили отца и grandpa?

– Если это так, я рад тому, что изменился, – Николай сел напротив сына. Даже взгляд у отца стал мягким. Вилли вскочил со своего места. Наваждение. Надо что-то делать. Начать с grandpa, по крайней мере, там точно всё ясно.

– Grandpa сегодня на работе? Во сколько он будет дома? – спросил Вилли, глядя на часы. – Ты подскажешь мне, как доехать до его дома? Я возьму твою машину? – закидал отца вопросами.

Через полчаса уже садился в автомобиль. До чего же Москва шумная, суетная, спешащая, на улицах и перекрестках заторы, как здесь выражаются «пробки». Пока Вилли ехал, успел уже два раза покурить в машине. Наконец, завернул в нужный переулочек и подкатил к высотному дому. Ему сразу вспомнилась огромная квартира grandpa, отец привозил его сюда в детстве.

Фертковский-старший всегда любил внука, гордился им, пророчил ему дипломатическое будущее, но когда сын и невестка развелись, мечты и планы рухнули. Невестку ему не было жаль, а вот внук – она увезла мальчика за океан. Владимир Григорьевич не скрывал досады, но изменить ничего не мог, хотя сначала подумывал о том, чтобы надавить на Маргариту – пусть едет в Америку одна. А что? Мальчик будет жить у него, получит то образование и профессию, которая подобаает положению и статусу его семьи. Но Маргарита и слушать не стала.

А потом в жизни самого Фертковского-старшего произошли перемены. Он влюбился и женился на молодой студентке. Вилли и представить себе такого не мог.

Дверь открыла экономка Елена Степановна, стала совсем старой, Вилли вспомнил и её.

– Вы ещё живы? – бестактно воскликнул он.

Она подслеповато посмотрела на него, поджала бескровные сухие губы.

– Проходите, Владимир Григорьевич будет через полчаса, он меня предупредил, – закрывая за ним дверь, холодно произнесла экономка, – гостиная – вторая дверь справа по коридору.

– Я не успел забыть, – буркнул Вилли и направился по длинному хорошо освещённому коридору.

Толкнул массивную дверь с позолоченной ручкой, вошёл. Гостиная была роскошной, впрочем, у grandpa всё по выс-

шему классу. Жёлто-коричневых оттенков в крупную клетку обои на стенах, классически белый потолок и тёмно-коричневый ламинат, символизирующий строгость и собранность. Тёмная классическая мебель с золотистым, но сдержанным декорированием, по центру массивный круглый стол. В камине потрескивали поленья, видимо, их туда положили совсем недавно. Вилли сел в глубокое кожаное кресло, достал сигарету, похлопал себя по карману в поисках зажигалки.

– Вообще-то у нас здесь не курят, – в гостиную вошла Маша.

– У нас? – саркастичным тоном переспросил молодой человек.

– Да, в нашем доме, – пояснила она.

– Когда же этот дом стал вашим? – ухмыльнулся Вилли.

– Когда я стала женой Владимира Григорьевича, – спокойно ответила Маша. Вилли поднялся со своего места, убрал сигарету в пачку, подошёл близко к Маше.

– Это обстоятельство легко изменить, – он растянул губы в ядовитой улыбке.

Внезапно открылась дверь, и вошёл Владимир Григорьевич.

– Володя! – воскликнул он, – как я рад, что ты к нам приехал. Надеюсь, что вы с Машей найдёте общий язык и даже подружитесь, – при этих словах Вилли поморщился, но тут же выдал улыбку.

– Естественно, grandpa, всё будет, как ты хочешь.

Фертковский-старший одобрительно похлопал его по плечу.

– Ты голоден? Что-нибудь перекусишь? – спросил он, рассматривая внука с нескрываемым удовольствием. Как приятно, мальчик приехал в Россию, ему важна семья, узы, которые, слава Богу, крепнут.

– Нет, я не голоден, – ответил Вилли, покосился на Машу, которая, похоже, уходит не собиралась. Она как-то странно смотрела на него и кусала губы. Противная привычка! – Почему у вас русских такая странная манера, как только переступаешь порог дома, сразу хотят накормить? – спросил он.

– А как же иначе? – искренне удивился Фертковский-старший. – На сытый желудок и дела лучшим образом решаются, и настроение, да и расположение к беседе. И потом, почему – у нас русских, сынок? Разве ты не русский? Твои отец и мать – оба русские.

– Ну да, ну да, – с иронией в голосе согласился Вилли.

– Это ничего, – улыбнулся Владимир Григорьевич, – ты узнаешь Россию и полюбишь. Может, всё же чайку? – он повернулся к жене. – Машенька, родная, завари-ка нам чаю? Как ты умеешь, хорошо?

– Хорошо, Володя, заварю, – отозвалась Маша и, ласково посмотрев на мужа, вышла из гостиной. Вилли проводил её взглядом.

– Ты себе и представить не можешь, как я счастлив, сынок, – признался Фертковский-старший. Он тоже смотрел вслед

удаляющейся супруге, – Машенька – настоящее сокровище, правда, доставшееся мне уже на склоне лет. Кто бы мог подумать, что это случится со мной. Согласись, что в неё можно влюбиться?

Вилли помедлил с ответом. Грандпа, конечно, потерял голову, это очевидно. И даже объяснимо, в его-то возрасте, после стольких лет одиночества – молодая женщина, судя по всему хитрая и ласковая. Но зачем жениться-то было? А ведь их браку уже семь лет! Неужели за всё это время его пыл не угас, а жена ничем себя не скомпрометировала?

– Тут дело вкуса, – уклончиво ответил молодой человек, – правда, я думал, Фертовским нравятся совсем другие женщины.

– Какие? – с любопытством спросил Владимир Григорьевич. В этот момент Маша вкатила накрытый для чаепития столик. Разлила чай по тонкостенным изящным фарфоровым чашкам, пожелала приятного чаепития и покинула гостиную. На пороге обернулась и посмотрела на мужа, словно хотела что-то сказать, но передумала. Дверь закрыла за собой бесшумно. Владимир Григорьевич взял в руку чашку, вдохнул аромат чая и улыбнулся.

Глава 14

– Зорин, ты в курсе, что когда выходил из дома, то в замке оставил свои ключи? – Вика звонила мужу, тот уже зашёл в метро.

– Серьёзно? – Вадим покопался в рюкзаке – ключей не было.

– Ну, я, конечно, допускаю некоторую рассеянность, но с ключами, знаешь ли, уже перебор, – Виктория собиралась на встречу с Надей, – и вообще, ты почему-то сегодня уехал раньше в свой университет, а я надеялась тебя застать.

– Мне надо зайти на кафедру, – Вадим спускался по движущемся эскалатору, – и так, кое-какие дела. Прости, солнышко, с ключами. Постараюсь так не делать.

– Ладно, хорошо, – Вика нажала «отбой».

Через полчаса Зорин вошёл в кафе. Сегодня Мира и Таисья пришли вместе. Они уже заказали себе сок и потягивали его из трубочек. Завидев Зорина, обе засветились. Вадим улыбнулся в ответ. Бросил на сиденье рюкзак, с размаху плюхнулся рядом с Таисьей – как раз напротив Миры.

– Я сегодня голодный, поэтому закажу себе, – пролистал меню, – блинчики со сметаной. Во! – поднял вверх указательный палец. – Это то, что я съем с удовольствием. Мои умницы, рассказывайте, как ваши дела? Что у вас нового? Как поживает проректор со своими управленческими решениями?

Мира и Таисья переглянулись и одновременно засмеялись. У проректора, который вёл у них предмет «Управленческие решения», была смешная и кажущаяся безобидной фамилия – Заичкин, а вот характер как раз у него оказался далеко не безобидным. Ровно, без эмоций, проректор по пол-

ной программе тиранил студентов. Как оказалось, не только их – Зорину тоже досталось от Заичкина. Он беспощадно раскритиковал новую методичку, которую написал Зорин, затем через неделю почему-то утвердил и подписал её. А ещё периодически ловил его на несвоевременном подписании каких-то отчётов и бумаг на кафедре. Зорин, пока ел блины, рассказывал об этом ироничным тоном. Успел вымазаться сметаной, поискал глазами на столе салфетку.

– Спасибо, ох, видела бы сейчас меня мамочка, – взял предложенную Таисьей салфетку.

– А что? – спросила Мира.

– Я же весь в сметане, – он вытер рот, пальцы, – аристократ фигов. Видите ли, Мира, – Зорин выразительно посмотрел на девушку, – я вырос в аристократическом семействе, где этикету уделялось внимание. За все «китайские» церемонии особенно радела моя мама. Ну, просто потомственное дворянство. А мой отец проще, я же получился неким миксом.

– Что ж, очень даже удачный микс, – заметила Мира.

– Вы так думаете? – усмехнулся Вадим, – спасибо, конечно, за похвалу, которая, несколько преувеличена. Но приятно же, ёлки зелёные! Девчонки, мне хорошо с вами, вот что я скажу, – он откинулся на спинку сиденья.

– И нам приятно, – Таисья отпила сок, поставила бокал на стол, – Вадим Георгиевич, а вы знаете, что Мира пишет прозу? – вдруг спросила она. Глаза Миры округлились.

– Нет, не знал, – искренне удивился Зорин, перевел взгляд

на Миру, та сразу смутилась.

– И даже очень хорошую прозу, – несмотря на недвусмысленные переглядки с подругой, Таисья гнула своё.

– О, мне бы хотелось почитать, – выдал Вадим.

– Ни за какие коврижки! – тут же среагировала Мира.

– Почему-у-у? – непонимающе протянул Зорин.

– Потому что после Эко, Льосы, Оливье, Хёга, Кальвино и тому подобных авторов, после всего того, что вы, Вадим Георгиевич, прочли да и мне поведали, моя писанина хуже, чем детский лепет. Это было бы абсолютным провалом дать вам читать моё сочинительство.

– Вы уверены, что всё так плохо? – хитро прищурился Зорин.

– Как вам сказать? – Мира закатила глаза.

– В любом случае, мне хотелось бы прочесть, – совершенно серьёзно сказал он. – Что у вас – повесть, рассказ?

– Роман, – ответила за Миру Таисья. Она сегодня была в приподнято-игривом настроении. Мира не успела и рта раскрыть, как Таисья бухнула дальше, – хороший роман, читается легко. А главный герой очень напоминает вас – Вадим Георгиевич. Правда, он там француз и про профессии ювелир, но все равно похож на вас – как внешне, так и характером.

– Это правда? – удивлённо спросил Зорин. Мира молчала как партизан. Губы сжала, на щеках играл румянец.

– Правда-правда, – подтвердила за неё Таисья, – Мира на-

писала роман, когда мы отдыхали на юге, несколько дней была прохладная и дождливая погода, вот Мира и стала сочинять. Получилось здорово.

– Я хочу почитать роман, – в лице Зорина что-то изменилось, но что – Мира никак не могла понять: то ли ему приятно, но он сдерживает эмоции, то ли вот-вот рассердится.

– Нет, – она помотала головой.

– Почему же нет?

– Я уже называла причины.

– Это не причины, это страх и отговорки, – кажется, он всё-таки сердится.

– Я не могу вам дать прочесть, – продолжала упрямыться Мира, сама смотрела на подругу – Тайка-балда всё-таки проговорила. Ну, обсуждали они на днях, как бы отреагировал Зорин – узнай он про роман, и что явился прототипом главного героя. Чтобы сказал на это, стал бы просить прочесть? Мире, конечно, хотелось узнать его мнение, но она отдавала себе отчёт в том, что ею придуманная фантазия – лишь жалкие попытки любительской работы на поприще сочинительства. А ещё – этот роман своего рода признание Зорину в любви. Герой-то там романтичный, история о любви. Нет, ему лучше не знать об этом. Ни к чему. Таисья сколько раз предупреждала, что ситуация может выйти из-под контроля, а сама проболталась о романе. Вот пойми её, сидит и улыбается во весь рот.

– Таисья, повлияйте на подругу, – Зорин слишком резко

отодвинул чашку с остатками чая. Смотрел на Миру строго, даже голос стал как будто более низким. Так обычно он сердился на лекциях, когда ему мешали нерадивые студенты.

– Ну, зачем вам мой роман? – Мира понимала, что ещё немного усилий и пресса со стороны Вадим Георгиевича, и она сдаст позиции.

– Зачем? Я хочу его прочесть. Поймите, Мира, мне интересно, и тому несколько причин. В конце концов, художественную литературу пишут именно для того, чтобы её читали другие, а не для того, чтобы автор держал в столе.

– Это когда писатель-профессионал, – уточнила девушка, – я всего лишь жалкий графоман. Ремесленник, которому, по сути, занять себя нечем, как марасть бумагу.

– Я верну вам роман сразу, как прочитаю. Обещаю, – Зорин решил зайти с другого конца. – Он в электронном виде?

– Есть и на листках, – призналась Мира.

– Он у вас с собой?

– Нет, конечно.

– Жаль, безумно жаль, – он покачал головой, – Мира, у вас хороший слог, я же читал ваши университетские работы. Я уверен, что и роман у вас получился интересным.

В следующий момент у него зазвонил телефон, Зорин извинился, вышел разговаривать на улицу.

– Тайка, я тебя убью, – прошипела Мира, как только преподаватель скрылся из виду, – кто тебя дёргал за язык? Зачем ты заварила всю эту кашу?

– А что такого? – невинно отозвалась Таисья. – Ничего плохого в том, что Вадим Георгиевич прочитает твой роман, я не вижу. Наоборот, скажет своё мнение, даст оценку. Роман достоин его внимания.

– Ты, правда, не понимаешь?

– Чего я не понимаю?

– Роман своим сюжетом – это объяснение Зорину в любви!

– Да ладно, не преувеличивай, – улыбнулась Таисья, – ничего такого там нет. А быть прототипом ему польстит. Тем более что в романе он великолепен.

– Так что, Мира, сердце моё, – Зорин вернулся в кафе, – вы дадите мне почитать свой роман? Это будет поводом к следующей нашей встрече, Таисья, разве я неправ?

Глава 15

– Володя, мальчик мой, останься в России, поживи здесь, – Фертовский-старший ласково смотрел на внука.

– Посмотрим, grandpa, посмотрим, – Вилли ничего не хотелось обещать.

– Знаешь что, – Владимир Григорьевич поставил на столик пустую чашку, за время разговора выпил две чашки чая, внук лишь пригубил, – а пойдём в библиотеку, я тебе кое-что покажу?

Вилли перешагнул порог довольно просторного помещения, являющегося огромной библиотекой. Сколько же здесь

было книг! Океан собранной литературы разных направлений и тематики – стеллажи большими секциями от потолка до пола. Недалеко от входа находилась резная лестница-стремянка. В центре между книжными шкафами на стене висел небольшой плазменный телевизор.

Вилли сел в предложенное кресло. Сам же хозяин устроился за письменным столом.

– Покурим? – Фертовский-старший достал из ящика стола зелёную бархатную коробку с сигарами. – Крепкая штука, – признался он, – мне вообще-то запрещено, но я позволю себе. В кои-то веки выкурю сигару с внуком, – протянул Вилли коричневую длинную довольно увесистую сигару.

– Почему тебе нельзя, грандпа? – молодой человек её понюхал.

– Сердце пошаливает, – вдруг смущённо признался Фертовский-старший, – один инфаркт уже был. Давно. Надо бы лечь в клинику и обследоваться по полной программе. Да всё как-то некогда – работа, семья, особо нет времени, да и желания. Мы часто бываем у твоего отца, я скучаю по внучке. Она для меня как глоток свежего воздуха. Машенька и Саша – самые главные женщины в моей жизни.

При этих словах Вилли, вовремя отвернувшись от грандпа, поморщился как от зубной боли, стал искать зажигалку. Нашёл.

– Подожди, – остановил его Владимир Григорьевич, заметив зажигалку, – я тебе покажу кое-что куда интереснее, –

с этими словами нажал кнопку где-то на внутренней панели стола, и секция одного из книжных шкафов стала медленно и беззвучно отодвигаться. В стене появилась довольно большая хорошо освещённая ниша, в которой за стеклянной витриной лежало множество коробочек.

Владимир Григорьевич поднялся с места, быстро пересёк зал, из кармана пиджака достал миниатюрный электронный ключик, открыл им витрину.

– Вау! – чисто по-американски воскликнул Вилли.

– Володя, я хочу тебе показать свою коллекцию зажигалок, – с этими словами он открыл одну из коробочек. Взору молодого человека предстала серебристого цвета зажигалка. Фертовский-старший взял её в руки, устроил у себя на ладони.

– Прекрасная вещь, – он даже стал говорить тише, словно громкий звук мог каким-то образом навредить зажигалке, – этой красавице сто тридцать шесть лет! Представь себе, мой мальчик, её произвели в конце XIX века в Бирмингеме.

– Это серебро? – внимательно рассматривая раритет, спросил Вилли.

– Безусловно, 925 пробы. Серебро корпус, а сердечник из латуни. Пайка, естественно, ручная, гравировка, – он перевернул зажигалку, показывая гравировальные буквы, – выполнена гильоше-машиной. Бензиновая.

– А что означают эти буквы – D и F? – Вилли поднёс раритет к самым глазам. – Уж не Deakin & Francis?

– Именно так! – воскликнул Фертковский-старший, пораженный тем, что внук слышал эти имена. – Ты знаешь об этой марке?

– Совсем немного, – рассматривая зажигалку со всех сторон, отозвался Вилли.

– Тогда, если ты не против, я расскажу о них подробнее. История этой марки довольно обширна и пронизывает последние четыре века: год её основания пришелся на 1786, когда ювелир Бенджамин Вулфилд открыл свою мастерскую. В 1816 году к нему присоединились Мур и Чарльз Деакин, в честь которых фирма и носила название – Deakin and Moor три десятилетия подряд, начиная с 1849 года. Постепенно Мур отошёл от дел, в 1868 году Чарльз воспользовался случаем приобщить к бизнесу племянника Стивена Деакина, и сделать предприятие семейным: теперь оно именовалось Deakin and Nephew. В 1879 году в мастерскую пришёл еще один племянник Деакина – Джон Френсис, и после отставки в 1881 года Чарльза Стивен и Джон остаются вдвоем у штурвала предприятия, которое годом позже и получило название Deakin & Francis.

В 1902 году Deakin & Francis получил статус компании с ограниченной ответственностью, в последующие годы поколения Деакин сменяли друг друга, так что и сейчас Deakin & Francis остается семейным делом: у руля марки стоит седьмое поколение – Джеймс и Генри Деакин. После обучения они с гордостью продолжили дело семейства, – с этими сло-

вами Фертовский-старший вздохнул, посмотрев на внука.

– И сколько же стоит такая вещь, примерно? – Вилли отвлёк его вопросом от невысказанных сожалений.

– Немного, на аукционе около тысячи долларов, – улыбнулся Владимир Григорьевич, – но у меня есть дороже экземпляры, есть и дешевле, зато с такой богатой историей, что, пожалуй, её стоимость не определить. Хочешь на них посмотреть?

– Еще бы! Конечно, хочу! – быстро закивал Вилли.

– Одна из самых старинных зажигалок, – Фертовский-старший открыл другую коробочку, – 1899 год, та же проба серебра, произведена всё в той же Англии, теперь уже фирмой Henry Rose. О ней я мало знаю, зато эта бензиновая красавица дороже своей соотечественницы, стоит она чуть более тысячи двухсот долларов, – он дал внуку зажигалку, чтобы тот сумел оценить красоту раритетной вещи. Довольно миниатюрная, светлого серебра, на корпусе витки с листочками, выполненные в духе старины, посередине корпуса инициалы фирмы в виде вензеля, украшенного короной. Штамп на торцевой части зажигалки – инициалы производителя и два оттиска пробирной палаты Бирмингема, удостоверяющие качество серебра – «якорь» и «лев». С противоположной стороны приварено крохотное колечко-ушко.

Вилли удовлетворенно крякнул.

Следующей при рассмотрении коллекции была зажигалка, произведённая в Швейцарии. На вид не особо интерес-

ная, медная с посебрением, потёртая. Зато, история, которую она в себе хранила, оказалась куда более захватывающей.

– Зажигалка фирмы Handy примерно 1940 года выпуска, Швейцария. Сделана из меди, а потом покрыта тонким слоем серебра – об этом говорит надпись «S.80» на механизме кремня. Там, где серебро стёрто, видна медная желтизна, – Фертовский-старший повернул зажигалку углом, – смотри, Володя.

– Да, grandpa, вижу, – молодой человек взял её в руки, – а вообще, она очень похожа на часы.

– Это ты верно подметил, – улыбнулся Владимир Григорьевич чутью и вкусу внука. – Она, и, правда, как часы – настолько идеально подогнаны все детали и настолько аккуратно всё сделано. Крышка при открывании откидывается пружинкой как новенькая, это притом, что ей больше семидесяти лет! Швейцария – одно слово. А ведь зажигалка когда-то принадлежала члену команды минного тральщика YMS-370. Корабли этой серии (Auxiliary Mine Sweeper) были настолько малы (водоизмещение всего 270 тонн), что не имели имен – только порядковый номер. Построен был 481 корабль серии YMS, все они были идентичны по конструкции. YMS-370 был заложен 23 января 1943 года в доке компании Wheeler Shipbuilding Corp., спущен на воду в августе. Прослужил три года, был окончательно списан и распилен в 1948 году. Но успел побывать во многих азиатских

странах, которые упоминаются на этой зажигалке: Филиппины, Китай, Япония, Корея... А инициалы на зажигалке – по всей вероятности имя её владельца – С.Д.Н. Но теперь уже не установить, кто он из матросов – этот С.Д.Н., – Фертовский-старший вздохнул, – удивительно, как даже в таких небольших и недорогих вещичках хранится история.

– А сколько же стоит эта зажигалка? – Вилли прищурился.

– Она совсем недорогая – всего около ста долларов. Хочешь посмотреть дороже?

– Нет, показывай всё по порядку, – возразил Вилли.

– Хорошо, смотри, – с этими словами Фертовский-старший достал очередную коробку, – американская зажигалка. Тебе она ближе. Производитель Nassau Lighter Company – год выпуска 1910, медь. Зажигалки Nassau производились в Нью-Йорке, на Nassau street, с 1910 года, хотя на патенте указан 1905 год. Это была одна из самых первых автоматических карманных зажигалок того времени, сам механизм такого принципа действия был изобретён в Австрии в 1909 году. Существовало множество вариантов отделки корпуса, от простого хромирования до серебряных и золотых корпусов. На этой зажигалке прикреплена эмблема компании Royal Arcanum – одно из старейших страховых обществ взаимной выгоды, основанное в 1877 году в Бостоне; оно существует и сегодня. Стоимость зажигалки примерно двести долларов, – он открыл следующую коробочку, – вот зажигалка 1890 года выпуска, производитель Henry W. Maubaum,

сама зажигалка носит название Reliable Pocket Lamp, экземпляр уникален тем, что искра в ней производилась особой пистонной лентой с фульминатами – солями гремучей кислоты, с её помощью поджигался пропитанный бензином фитиль, само собой, что было это её до изобретения кремня.

Глава 16

– И что ты обо всём этом думаешь? – Надя отхлебнула остывший чай, пока рассказывала, совсем о нём забыла. Вика, напротив, пила уже вторую чашку.

– Если бы мы раньше с тобой не попадали во всякие передраги. Вплоть до мистических. И я бы не доверяла твоей интуиции, сейчас бы отмахнулась от твоих подозрений. Но к счастью, именно твоя интуиция нас и не подводила. Интуиция и наблюдательность.

– Хорошо, что ты меня поняла, – закивала Надя, – правда, ничего мистического в приезде сына моего мужа нет. Но поверь мне, в этом молодом человеке есть что-то такое, отчего мне не по себе. Ощущение надвигающейся беды, что ли. Дай Бог, чтобы я ошибалась.

– Гм, – Виктория сняла очки, положила их на стол, – мне стало даже любопытно, захотелось посмотреть на отпрыска семейного клана аристократов Фертовских. Сколько, говоришь, ему лет?

– Кажется, двадцать два, – подумав, сказала Надежда.

– Так сопляк же ещё, – удивлённо воскликнула Вика.

– По годам – да, но по сарказму, по поведению мне он кажется куда старше и циничнее. И потом, у него такой взгляд...

– Решено, – Вика надела очки, – когда он будет дома, приглашай меня в гости, я посмотрю, что это за чудо заморское.

Вадим дочитал последний лист романа, отложил его в сторону. Поднялся с кресла, поискал сигареты. Нарушая обещание, закурил прямо в комнате, вот Виктория, когда почувствует запах, будет возмущаться. Ладно, пока её нет, можно расслабиться. Хотя какое тут расслабление, обратил внимание – когда закуривал, дрожали пальцы. Ничего себе! Неужели из-за романа, который написала Мира?!

Зорин приоткрыл окно, дым от сигареты устремился наружу, в лицо ударил прохладный осенний ветер. Опять пошёл дождь – мелкий нудный, он принёс холод. А в романе было тепло и уютно. Там плескался океан, горячее Сейшельское солнце и трепетная любовь, где главным героем был он – Вадим Зорин. Точнее, явился прототипом главного героя. Но как точно и умело Мира описала его – внешность, характер, увидела и прочувствовала в нём то, о чём могла только догадываться, ведь они не так близко знакомы. Вот тебе и девчонка.

Зорин опять потянулся за романом, пролистал его, нашёл особо понравившиеся фрагменты, улыбаясь, перечитал их. Затем спрятал роман под бумаги в ящик тумбочки, плюхнул-

ся на кровать, закинул ногу на ногу. Мечтательно уставился в потолок.

Вдруг в образе главной героини представилось лицо Миры, а ведь похожа – такая же темноволосая, смуглая, эмоциональная и женственная. Неужели девчонка писала её с себя? Вполне может быть. Но тогда...

Зорин даже привстал. Может быть, именно поэтому она так упорно не хотела давать ему читать роман? Он вскочил, опять схватился за сигарету, закурил. Вика точно убьёт за курение в спальне.

Сам не знал, как реагировать, что думать. Понял лишь одно – ему, действительно, приятно читать роман, хотя слог и прост, но не примитивен, кое-что стоило бы откорректировать, но так, по мелочи. В целом текст удивительно хорош, как и сюжет. В нём купаешься, как в чистом озере. А с другой стороны, в романе угадываются чувства самой Миры.

Вадим затушил сигарету, опять перед взором предстало лицо девушки, её глаза – красивые, что тут лукавить, даже очень. Взгляд то насмешливый, то строгий, то ласковый. Зорин, словно отгоняя видение, даже головой помотал. Эта девушка стала слишком часто занимать его мысли. Так нельзя. Очень опасный путь, разрушительный. Мало того, что он женат, ещё и преподаватель, а Мира – студентка. И между ними ничего не может быть, ничего.

Хорошо, что он попросил Миру разрешить ему не высказывать своё мнение о романе. Сказал это ещё перед тем, как

начал читать, а теперь порадовался своей предусмотрительности. Само собой, Мире ни к чему знать, что он думает. А всё же роман тёплый и какой-то обнадеживающий, хотя и наивный.

Почему человек в какой-то момент своей жизни начинает писать? Почему чувствует такую потребность? Ведь пишут далеко не все, а за перо могут взяться в любом возрасте. Причем, речь идёт, прежде всего, о художественной литературе. Вот почему Мира взялась писать? Таисья говорила, что на юге, от скуки, но это только толчок. А началом было что-то другое. Возможно, у Миры накопился достаточный читательский опыт. Судя по её рассказам, с интересом читать она начала с самого детства. В двенадцать лет её мама застала всю в слезах – девочка только что прочла «Сестру Кэрри» Теодора Драйзера, восприняла всю боль героини, прониклась ею. Мама отобрала книгу и долго возмущалась – кто посоветовал Мире этот роман в её возрасте? А ей никто не советовал, она читала всё, что попадалось на глаза. Читала с интересом, вникала, рассуждала, переживала за героев. Вот тогда она, наверное, и окунулась с головой в мир художественной литературы, ощутила себя её частью. На фоне всего этого в какой-то момент захотелось создать и что-то самой. Конечно, ей ещё не хватает жизненного опыта, который необходим писателю, но, как говорится, опыт – дело наживное, лишь бы не бросить начатое дело. А вообще, продолжить читать и читать – хорошую, добротную, качественную

литературу. Читать, писать, наблюдать за людьми и жизнью.

Всё-таки, Мира необычная, интересная девушка, как личность, так и как внешне. Зорин опять лёг, закинул руки за голову, покачал ногой. Прикрыл веки, через полуопущенные густые ресницы посмотрел на мягкий льющщийся свет ночной лампы. Воображение опять унесло его из дождливой московской осени в тёплый край, где ласкают ноги солёные волны Индийского океана, где розовеет мягкий песок, пальмы волнуются на ветру, а на тебя влюблёно смотрят шоколадные глаза юной креолки...

Вдруг почувствовал лёгкое прикосновение губ, на них ощущался запах и вкус моря. Вадим ответил на поцелуй, сначала тоже едва касаясь, а затем внезапно впился в них горячо, страстно.

– М-м-м, Зорин, ты давно так не целовал меня, – услышал рядом, резко открыл глаза – над ним склонилась Виктория, – я стала уже забывать, как мастерски ты умеешь это делать, – она улыбнулась, прильнула к нему. Вадим от неловкости момента даже покраснел. Хорошо, что жена этого не заметила и вообще ни о чём не догадалась. Более того, он с облегчением вздохнул, когда вспомнил, что вовремя спрятал роман. Супруге вовсе необязательно знать о нём.

– Сейчас я тебе напомню, – прошептал ей на ухо, сжал в крепких объятьях.

– Ты сегодня превзошёл самого себя, – Виктория лежала

на груди у мужа, разомлевшая, томная. Почувствовала себя, словно в первый раз была с Зориным.

– Неужели? – перебирал её спутавшиеся волосы. Сам от себя не ожидал такой, почти животной, страсти.

– Правда, Вадимыч, – Вика поймала его руку и поцеловала ладонь.

– Мы с тобой оба забыли, что можно быть счастливыми. Нас заел быт, нерешённые проблемы, нереализованные планы. Мы не умеем отключаться, Вика, – сказал Вадим задумчиво, – а давай возьмём отпуск и махнём на море? – вдруг предложил он. Вика подняла голову, посмотрела на супруга.

– Почему тебе пришла в голову такая идея? – удивилась она.

– Просто так, – пожал плечами Вадим.

– Не могу, дорогой, работа. Да и тебя в начале учебного года никто не отпустит в отпуск.

– Это верно, – вздохнул Зорин.

Глава 17

На тот вечер занятий в университете не было, поэтому после работы уговорились с Таей и их общими друзьями встретиться на Таганке, в центре. Встречу решили отпраздновать в ресторане японской кухни. Как-то были там раз, давно, правда, но повеселились от души. Друзьями была семейная пара – Татьяна и Максим, с которыми они когда-то познакомились на южном отдыхе. Вот теперь решили повторить

приятно запомнившуюся встречу.

Максим и Таня запаздывали, Таисья предложила Мире пройти внутрь ресторана и подождать друзей там, тем более что на улице уже почти час шёл мокрый снег, норовистая погода меняла свой характер по несколько раз на дню.

Девушки прошли в ресторан, свободных мест было мало и не очень удобно расположенных, но им повезло – только что освободился столик у окна, куда они и направились. Молодые официанты с азиатской внешностью, быстро разнося заказы, шустро сновали от столика к столику. Перед Мирой и Таисьей уже лежали два больших красочных меню. Обсуждая блюда, Мира уморительно комментировала названия японской кухни, Таисья смеялась. Она вообще заметила, что подруга сегодня в превосходнейшем настроении, все время шутит, острит. И даже выглядела как-то иначе – глаза горели! В иной ситуации Таисья списала бы это на влюблённость, но Мира ничем подобным не поделилась, сказала, что просто ей весело и всё.

Наконец появились Максим с Таней, издали помахали им руками. Красивая пара, хотя и разные, как внешне, так и характерами. Татьяна с типично славянской внешностью – белокурая голубоглазая, к тому же пышнотелая, капризная, несколько эксцентричная, и кареглазый темноволосый Максим с правильными чертами лица и с таким же правильным характером – мягкий, уступчивый и, что заметно сходу, преданный супруге.

Все перецеловались, уселись и активно занялись выбором блюд. Дольше всех выбирала Татьяна, то ей одно не нравилось, то другое. Таисья и Мира уже давно решили, что будут есть и пить, как Максим предложил попробовать саке, в конце концов, надо же отметить встречу. Идея пришлась по душе всем. Подплыл официант и стал быстро записывать заказ, медлила лишь одна Татьяна, потом решила сделать такой же заказ, как у мужа, тут же передумала и заказала блюдо с совершенно не выговариваемым названием. Засомневалась, потом всё же решилась. На вопрос мужа, зачем он себе заказал так много, услышала его ответ под хохот девченок: «Ты всё равно посетишь мою тарелку и съешь оттуда половину, так хоть я не останусь голодным». Они всегда так разговаривали, причём Максим не обижался на свою жену и легко терпел её выходки, подчёркивая, что очень любит свою Танечку.

Вскоре принесли все заказанные блюда, Мира присвистнула – на столе еле уместилось гастрономическое излишество японской кухни – всё, что они заказали. Особенно в шок была Таня. Последним официант принес глиняный кувшинчик и четыре крохотных чашки что-то вроде пиал – для саке.

– А я слышала, что его пьют горячим, – вставила Таисья, когда Максим стал разливать напиток по чашечкам.

– Не-не, – Максим помотал головой, – хороший саке пьют холодным, а плохой – тёплым. Это незыблемое правило. Так

говорится потому, что при нагревании sake весь богатый аромат и вкус притупляется или вовсе исчезает. Поэтому sake низшего качества советуют подогреть, – пояснил он.

– А сколько градусов крепость напитка? – спросила Таисья, нюхая его в чашке.

– Около двадцати, но его обычно разбавляют водой до пятнадцати. Кстати в самой Японии его называют – «Нихонсю».

– Как? – переспросила Мира и засмеялась. – Забавное название. Его делают из риса, да? Как и многое в Японии.

– В общем-то, да, – закивал Максим, – сбраживается сусло на основе риса и пропаренного рисового солода. Между прочим, в его вкусе могут чувствоваться хересные тона, нотки винограда, яблок и бананов. В лучших сортах sake встречается вкус вызревшего сыра, соевого соуса и свежих грибов. В нашем sake, конечно, этого нет, но запах ничего так, – он вдохнул напиток, – вкус, надеюсь, тоже. Итак, за встречу!

Содержимое первых стопок сразу у всех разлилось теплом по телу, а тут ещё горячий суп, который заказали все, кроме Татьяны, но, как и предсказывал Максим, она тут же полезла в его тарелку пробовать.

– Как же с вами здорово! – воскликнула Мира, макая роллы в соевый соус, слишком много отправила в рот васаби, в следующий момент закашлялась и прослезилась – под весёлые комментарии друзей. – Я люблю вас всех! – она ощутила, что пьянеет, но не столько от sake, сколько от той радо-

сти, которая переполняла сердце. Зорин, всё дело в нём.

Таисья вышла из-за стола, а когда вернулась, многозначительно посмотрела на Миру. Улучшив момент, она шепнула:

– Кого я сейчас видела в ресторане, – сделала глаза круглыми.

– Кого? – Мира активно жевала.

– Вадима Георгиевича, – сообщила Тая, – и не одного, а с довольно красивой женщиной. Интересно, кто она ему?

У Мира засосало под ложечкой.

– Где? – выдавила из себя.

– Вот там, столик у лестницы на второй этаж, – показала Таисья в сторону, – наверное, недавно пришли, раньше – мы бы заметили.

Мира вытянула шею, пытаясь увидеть – тщетно. Она поднялась с места.

– Пойдёшь? – спросила Таисья.

– Куда? Что случилось? – встряла Татьяна.

– Я скоро вернусь, – Мира пошла в указанном направлении, не доходя лестницы, резко затормозила. Сердце билось так, будто вмиг стало огромным и заполнило её с головы до ног. А ещё стало сухо во рту. Мира с трудом сглотнула слюну. В следующий момент увидела Зорина. Он и его спутница сидели за столиком у винтовой лестницы и о чём-то оживлённо разговаривали. Спутница Зорина, действительно, была очень эффектной, Мира за несколько секунд оценила всё – и модный комбинезон, и сапоги с тонким каблуком, и уло-

женные каштанового цвета волосы, и модные очки, которые она поправляла изящным жестом. А Зорин – он смотрел на неё, улыбаясь. В какой-то момент накрыл её руку своей, затем поднёс к губам.

Этот порыв нежности уколом отозвался в сердце Миры, не в силах оторвать взгляд, она замерла. Зорин, словно что-то почувствовав, повернул голову. Мира едва успела исчезнуть из его поля зрения.

Вернулась к друзьям потерянная. Таисья сразу это заметила. Набрала в телефоне сообщение «Видела?». Мира прочитала и вместо ответа просто кивнула.

Глава 18

С утра у Миры разболелась голова – ломило висок, даже подташнивало. Она решила прогуляться, заодно ещё раз вывести Беню – карликового чернокудрого пуделя. Беня обладал покладистым, мягким характером, беззаветно любил домочадцев.

Пудель искренне обрадовался возможности ещё раз за утро совершить прогулку. Вышли оба из подъезда, втянули носами воздух – сыро. Дождя не было, но небо сердито хмурилось, солнца не обещаая. Пудель вопросительно посмотрел на хозяйку: не передумала ли? Но Мира уже стала спускаться по ступенькам на крыльце.

Листья на клёне затрепетали от ветра. Беня тихонько твякнул ветру в ответ. В следующий момент Мира услышала

позади себя:

– Добрый день!

Она резко обернулась: «Только не это! Ну что за наказание?» Минуту назад две соседки у подъезда с любопытством наблюдали картину: из подъехавшего внушительных размеров чёрного авто вышел молодой мужчина и сразу направился к Мире.

– Кому как, – невежливо буркнула она.

– А я рад вас видеть, – искренне сказал он.

Мира, прикусив губу, молчала, наконец, ей представилась возможность, как следует рассмотреть его лицо. В метро было неудобно, то он спал на её плече, потом провожал – тоже не получилось из-за сумерек, да и не было особого желания глазеть на явно случайного в её жизни человека. И вот теперь он стоял перед ней во всей своей красе. Симпатичный? Ну да, и холёный. Гладко выбрит, стильно подстрижен – волосы тёмно-русые густые, наверное, даже уложены. Глаза с прищуром, вроде бы карие, ощущение, что он тебя все время оценивает. Нос прямой.

– Может, наконец, познакомимся? – ровным голосом спросил он. Заметив, что девушка его рассматривает, быстро улыбнулся.

– Зачем? – к досаде Миры предатель Беня стал ластиться к этому типу.

– Чтобы обращаться друг к другу по имени, – пояснил он как само собой разумеющееся.

– А я не собираюсь к вам вообще никак обращаться. Бенья, пойдём, – она потянула собачий поводок.

– Бенья? – усмехнулся молодой человек, присел на корточки и принялся гладить пуделя по чёрным кудряшкам. Бенья от удовольствия чуть не опрокинулся на спину.

– Да, Бенья, Бенджамин.

– Славная собака, – он выпрямился и опять, как показалось Мире, посмотрел на неё оценивающе.

– Нам пора домой, – Мира к неудовольствию Бени потянула его за поводок к себе.

– Не уходите, – попросил молодой человек.

– Послушайте, что вам от меня надо? – задала вопрос, – ваше поведение, по меньшей мере, странно. Ну ладно, случайно уснули на моём плече в метро, всё бывает. Из вежливости даже проводили меня домой. Опять встретились в метро. Я дала вам понять, что мне не нужны знакомства. Но вы появились опять. Только не говорите мне, что я вам понравилась. Ни за что не поверю!

– Почему же? – он, пока девушка говорила, пристально смотрел на неё и внимательно слушал.

– Что почему? – теряя терпение, спросила Мира.

– Почему вы не можете мне понравиться? – казалось, он удивился искренне.

«Зарычать на него что ли вместо Бени?» – подумала Мира, а вслух сказала:

– Потому что так не бывает. Всё, мне, правда, пора домой,

– развернулась. И тут вдруг пудель сорвался с поводка. Пара секунд и он радостно побежал по двору догонять кошку, которая сидела у кустов.

– Стой, Бенья, стой! – закричала Мира и рванула за ним. Вместе с ней побежал и молодой человек. С его длинными ногами и спортивной фигурой он быстрее оказался возле Бени, который воспринял всё это как игру, и носился по двору кругами. Соседки у подъезда замерли с открытыми ртами.

Бенья сделал несколько кругов по двору, молодой человек за ним. В какой-то момент он почти схватил собаку за поводок, но та сделала резкий рывок в сторону и выскочила со двора. Молодой человек выругался и побежал за ней. Вконец обалдевшая от всех этих гонок и такого внезапного непослушания Бени, Мира, остановилась в конце двора, чтобы перевести дух. Послышался визг тормозов автомобиля. Не в силах сделать больше ни шагу, Мира замерла.

Прошло минут пять, а ей они показались вечностью. Мира понимала, что сознание отказывается верить в беду. Надо идти туда...

Из проулка появился молодой человек, на руках он нёс собаку. Лицо его было бледным, глаза – ну просто огромные, локоть пиджака испачкан, почему-то не хватало пары пуговиц, волосы взъерошены. Бенья на его руках не шевелился.

– Всё? – упавшим голосом спросила Мира.

– Не всё. Где тут ближайшая ветеринарная клиника?

– За углом...

Они сидели в крохотном коридоре ветеринарной больницы. Ждали и молчали. Врач женщина средних лет с мягким голосом сказала, что у собаки рана – её надо зашить, сидите, ждите.

– Спасибо вам, – Мира посмотрела на своего нового знакомого с благодарностью. Затем полезла в сумочку за влажной салфеткой, показала ему испачканный локоть пиджака, который он тут же принялся оттирать.

– Дмитрий, – закончив оттирать свой локоть, представился он.

– Меня зовут Мира, – она подняла на него глаза.

– У вас редкое имя, – заметил он.

– Да, знаю. Так меня назвал отец, – Мира вздохнула, – я его совсем не помню. Он умер, когда я была маленькой.

– Простите, – поспешно сказал Дмитрий.

– Ничего, всё нормально, – она теребила в руках пачку с салфетками. Он смотрел на её руки, – на самом деле Бенья послушный пёс, – словно оправдывалась. Дмитрий закивал.

«Как он не похож на Вадима Георгиевича, – подумала Мира, поймав себя на мысли, что стала сравнивать их, – сдержанный, немногословный. Кажется, о чём-то всё время думает, оценивает. Хотя то, что уверен в себе – очевидно. Ну и ко всему прочему, он из другого социума – об этом говорит стиль его одежды, вон на руке какие часы, да и сам весь холёный. А уж про машину и говорить нечего.

Мира вздохнула. Разница в материальном достатке между ними несомненна. Она в университет-то поступила благодаря своим знаниям, своему уму и то, еле прошла по конкурсу. А если попытаться платить за учёбу, то так и останешься невеждой.

Мира опять посмотрела на своего нового знакомого – сидит тут с ней, теряет время, перед этим бегал за собакой как спринтер. Что же ему всё-таки надо? Не успела она озвучить свой вопрос, как у него в кармане зазвонил телефон. Дмитрий извинился и отошёл в сторону. Мира решила не прислушиваться, но до неё всё равно доносились обрывки фраз, кажется, на том конце провода была девушка. По крайней мере, Дмитрий перед кем-то оправдывался, причем эмоционально.

«Ого! – подумала Мира, – значит, всё-таки умеет проявлять эмоции. И много говорить – тоже. Сейчас нажмет на телефоне «отбой», подойдет, извинится, у него хватит воспитания, и поедет к своей крале её успокаивать». Мира усмехнулась. Краля, наверняка, длинноногая, жутко капризная и требовательная. А может, жена? Но у него на пальце нет кольца. Хотя, это ничего не значит.

Дмитрий что-то ещё сказал в телефон, затем с явным раздражением засунул его в задний карман джинсов, будто телефон был в чём-то виноват. Мира не сомневалась – сейчас умчится.

Он подошёл к ней, открыл рот, нахмурился и ... сел ря-

дом.

- Что-то не так? – ироничным тоном спросила Мира.
- Почему? Всё нормально, – выдохнул он.
- И вам никуда не надо?
- Никуда, – по слогам произнёс он, – я останусь с вами.

Глава 19

– А теперь то, ради чего, собственно говоря, я привёл тебя сюда, – сказал Фертовский-старший, – вовсе не для того, чтобы хвастаться своей коллекцией, хотя не скрою, мне было приятно её показывать, тем более, тебе это явно интересно. Поэтому, – он сделал паузу...

Самый низ витрины был не прозрачным, Владимир Григорьевич выдвинул оттуда небольшой ящик, внутри которого оказался футляр. Фертовский-старший взял его в руки, открыл, как показалось Вилли, с особым чувством. В футляре лежала золотистого цвета чуть потёртая зажигалка. Вроде ничего особенного на первый взгляд в её внешнем виде не было, ну разве что в корпус встроена изящная женская статуэтка.

Вилли поднёс зажигалку близко к глазам и стал разглядывать именно женскую фигурку. Её тело было прикрыто длинной накидкой, обнажённая ножка чуть выставлена вперед. На глазах повязка, на голове корона, в тонких руках девушка держала большой рог с монетами.

- Грандпа, так это же Фортуна?! – воскликнул Вилли,

узнав в статуэтке богиню удачи.

– Да, именно так, – подтвердил довольный Фертовский-старший, – богиня удачи, судьбы, благословения и богатства. Введение культа Фортуны связывалось с царём Сервием Туллием (578 – 534 до н.э.), ставшим, благодаря любви Фортуны, из сына рабыни царём и воздвигшим ей несколько святилищ. Фортуну почитали как "судьбу сегодняшнего дня", "данного места", "частных дел", "общественных дел", "доброй судьбы", "злой судьбы", "мужской судьбы", "милостивую" и прочее. Она изображалась на монетах почти всех римских императоров. Но поместить Фортуну на зажигалку додумалась лишь фирма Alfred Dunhill, – сказал Фертовский-старший.

– Неужели? – удивился Вилли.

– Несомненно, – подтвердил Владимир Григорьевич, – а вообще их первая зажигалка появилась в 1923 году, которой позже дали название Unique. Первые модели Unique действительно были элегантны, – как правило, они имели позолоченный или посеребренный корпус и были украшены крокодильей или страусиной кожей. К тому моменту, когда Уайз и Гринвуд предложили фирме своё изобретение, компания уже имела достаточно известное имя и в дальнейшем закрепила за собой репутацию одной из самых изощрённых в художественном и дизайнерском оформлении зажигалок. Экземпляр, который ты видишь перед собой – тоже из серии Unique, год выпуска – 1928. Золото. Ко мне она попала

несколько лет назад из частной коллекции по очень большой дружбе, но и по приличной цене, как ты понимаешь.

– Частная коллекция? – переспросил Вилли, рассматривая зажигалку со всех сторон, – grandpa, и сколько она может сейчас стоить? – он поднял глаза.

– Тебе она достанется бесплатно, – Владимир Григорьевич улыбнулся.

– То есть? – не понял Вилли.

– Коллекцию ты унаследуешь после моей смерти, в том числе и этот раритет, как само собой разумеющееся.

– А тебя когда-нибудь просили её продать?

– Да, конечно, – кивнул Фертовский-старший.

– И сколько же давали? – Вилли заметно оживился.

– Тебе это так важно знать?

– Да, мне интересно. Ведь вещь уникальна, я так понимаю, штучная, да?

– Верно, штучный прототип, – подтвердил он, задумался, – стоимость на сегодняшний день, я полагаю, составит не меньше двадцати тысяч долларов.

– Вау! – Вилли не скрывал своей радости. – И всё это ты оставишь мне, grandpa? Дедушка... – он сделал ударение на втором слоге, отчего Фертовский-старший засмеялся и обнял внука.

– Знаешь, что? – Владимир Григорьевич принял молниеносное решение, – а подарю я тебе уже сейчас кое-что из моей коллекции. Несколько подешевле, но не менее инте-

ресное. Это как гарантия моего обещания, – с этими словами он выдвинул ящик на уровне глаз и достал оттуда футляр чуть поменьше предыдущего. На чёрном потёртом бархате лежала трёхцветная зажигалка – геометрические фигуры в виде треугольников пересекались друг с другом, создавая необычный эффект трех оттенков синего.

– Ничего подобного не видел, – удивлённо признался Вилли, – что за производитель? И что за покрытие на зажигалке?

– Производитель всё тот же Alfred Dunhill, 1930 год выпуска, серебро. Наполнитель бензин. А вот покрыта эта красавица перегородчатой эмалью. Ты когда-нибудь слышал о такой?

– Нет, – помотал головой молодой человек.

– При работе в технике перегородчатой эмали на металлическую поверхность напаивают проволочку или полоски, а образовавшиеся таким образом ячейки наполняют стеклянной массой – эмалью. После обжига поверхность гладко шлифуют, в результате чего металл с эмалью образуют ровную плоскость, а металлические перемычки создают определённый узор, – стал пояснять Владимир Григорьевич, – этот способ эмалирования был особенно распространён в Японии. Металлическое основание обыкновенно бывает золотым, реже серебряным или медным. Сначала на него наплавляется глазурь, затем наносятся другие краски, после чего всё покрывается бесцветной прозрачной эмалью с глазурью в качестве защитного средства. Вот и здесь использована тех-

ника перегородчатой эмали.

– Это, правда, впечатляет, – Вилли внимательно рассматривал зажигалку.

– Вот и бери её себе, подарок от деда. На память.

– Спасибо! Ты не представляешь, как мне ну просто необходима такая вещь! – воскликнул Вилли. – Если это Dunhill, то и цена, наверное, не малая?

– Дешевле, конечно, «Фортуны», – пожал плечами Фертовский-старший.

– А если точно? – Вилли прищурился.

– Ну, зачем тебе её цена? Это же мой подарок.

– Дедушка, мне просто интересно, – Вилли обнял его за шею, – конечно же, дело не в ней, а в самом подарке. Ведь его ценность в том, что именно ты мне его подарил, ты – мой родной дед, – при этих словах молодой человек выдал такую ласковую улыбку, что Фертовский-старший растаял окончательно.

– Я точно не помню, около трёх тысяч долларов. Да, Бог с ней, – он махнул рукой, – мальчик мой, если бы ты знал, как я рад твоему приезду. Я прямо чувствую родство наших душ. Несмотря на то, что мы с твоим отцом теперь прекрасно понимаем друг друга, и Сашенька для меня большая отрада, всё-таки Николая не разделяет, ну вот хотя бы, к примеру, таких моих увлечений. Сколько раз я пытался ему поведать о моей коллекции, рассказать подробности, то у него нет времени, то ему откровенно скучно. Он так толком и не

дослушал. Всё время куда-то едет, торопится, съёмки там, здесь, ему с семьёй-то побыть некогда. Нет, я не упрекаю сына, это его жизнь, и я люблю Николая. Но мы с ним разные, всё-таки разные, – он вздохнул, – а ты меня выслушал, проявил интерес.

– Конечно, дедушка, иначе не может быть, – Вилли хлопнул его по плечу. Старик и, правда, стал слишком сентиментальным.

Вилли вернулся в дом отца поздно вечером – так засиделся у деда. Мог и уехать бы раньше, но предпочёл остаться и выслушивать воспоминания о своём детстве здесь – в России, потом пошли рассказы о жизни семьи в Великобритании, дед вошёл во вкус и в своих устных мемуарах стал упоминать уже юность. Молодой человек слушал вполуха, эмоционально-чувственная часть историй его вообще не интересовала, оживился он лишь при упоминании драгоценностей своей бабушки Софии, но та не отличалась сдержанностью и разумностью и наделала глупостей. Каких конкретно – дед предпочёл не посвящать внука. Но на неё был явно обижен.

– И ты больше никогда её не видел? – спросил Вилли, выпуская колечки дыма. Они устроились в кабинете и опять курили сигары.

– Нет, не видел и ничего о ней не знаю, – Фертовский-старший стряхнул пепел.

– Она была красивой? Сохранился хоть один её снимок?

– Ни одного, – покачал головой Владимир Григорьевич, –

красивая? Да, очень. Я тогда выбирал себе жену по двум критериям – происхождение и внешние данные. Сейчас, спустя время, на женщин я иначе стал смотреть. Так сказать, хоть на склоне лет поумнел, – он смущённо крикнул.

– И какой теперь твой взгляд на женщин? В чём ты поумнел? – с плохо скрываемой иронией спросил Вилли.

– Самое главное в женщине – доброта, душевность. Умение понять, пожалуй, утешить. А ещё – умение любить.

– Даже если она при этом монстр?

– Монстр? – переспросил Фертовский-старший. – Что значит монстр?

– Я не так выразился, – помотал головой Вилли, стал подбирать слова, щёлкнул пальцами, – если она простая, плетейка, крестьянка.

– Даже при этом, – твёрдо сказал его дед. И тут же добавил, – ты ещё очень молод, Володя, в силу отсутствия жизненного опыта, тех испытаний, что выпадают на долю человека, тех уроков, которые даются, ты многого не знаешь. Как жаль, что чаще всего мы их так и не усваиваем. Либо бывает слишком поздно, – он замолчал, задумался. В этой паузе Вилли внимательно смотрел на grandpa – всё-таки постарел, стал мягким, по натуре слабым, приобрел раздражающую толерантность. А ещё влюбился по самые уши – так говорят в России? И предал свои взгляды, предал себя самого.

– Дедушка, а давай-ка поужинаем? – нарочито весело предложил Вилли, – время подходящее.

– Ты прав, сынок, – улыбнулся Фертовский-старший, – я заболтался и морю тебя голодом.

Через полчаса сидели в столовой за ужином втроем – Маша присоединилась к ним. Она сначала отказывалась, ссылаясь на недомогание – второй день чувствовала себя неважно, но супруг упрямил – ему так хотелось, чтобы она присутствовала на ужине. Чтобы они собрались семьёй. Маша уступила мужу, согласилась. Правда, за ужином почти ничего не ела и в разговоре произнесла всего несколько слов. Вилли откровенно рассматривал её, благо грандпа ничего не замечал. Конечно, не дурна собой, просто Вилли сразу её не разглядел. Мягкие русые волосы волнами лежали на плечах. Глаза почти всё время опущены. Миловидна и даже весьма. Такая почти ангел, наверное, это и подкупило деда, растопило его сердце.

Обо всём этом думал Вилли, когда вернулся в дом к отцу. Правильно, что не остался ночевать у грандпа, надо побыть одному и всё хорошо обдумать.

Вилли улёгся на свою кровать, вытянул длинные ноги. Когда вернулся, в доме уже все спали, кроме отца. Тот, сидя в гостиной, перебирал какие-то фотографии.

– Как дела? – спросил полушёпотом. Вилли показал большой палец. – Ты голоден?

Он помотал головой и показал знаком, что хочет спать. Но на самом деле спать не хотелось. Довольно много впечатлений за один день. Опять перед глазами возникло лицо жены

грандпа. Эти опущенные глаза с длинными ресницами. Она сидела за столом как аристократка – спина прямая, почти ничего не ела, приборы держала уверенно. Наверное, грандпа обучил. Интересно, насколько он страстен со своей женой?

Глава 20

Надя долго разговаривала по телефону, что-то обсуждала, смеялась. Положив трубку, подошла к мужу, обняла его за плечи. Николай работал за ноутбуком. Надежда поцеловала мужа в макушку, он улыбнулся.

– Николенька, ты очень много работаешь, – проворковала Надя ему на ухо, – ты давно не был в отпуске.

Фертковский откинулся в кресле.

– Судя по всему, ты что-то намечаешь, – прокомментировал он.

– А помнишь, – Надя прижалась к щеке мужа, – наш «медовый» месяц на Сейшелах?

– Разве это можно забыть? – Николай опять улыбнулся. – Сейшелы нас по-настоящему сблизили, позволили узнать друг друга.

– И полюбить, – добавила Надежда.

– Ну, я-то в тебя был давно влюблён, – он чмокнул жену в кончик носа.

– А я просто убедилась, что люблю тебя и всё. А помнишь таксиста-креола?

– Ещё бы! Я был готов его хорошенько поколотить. Он так

сластолюбиво смотрел на тебя.

– Ничуть не менее страстно смотрела на тебя блондинка на пляже, которая рвалась попасть в нашу группу аквалангистов.

– Неужели? – пряча улыбку, удивился Николай.

– Да-да, – подтвердила Надя, – на тебя реагируют многие женщины, и красавиц среди них не мало.

– Не может быть, – он покачал головой.

– Может-может.

– Понимаешь, всё дело в том, что я люблю только одну женщину – тебя.

– И я тебя люблю, – тепло отозвалась Надежда.

– Так что же ты задумала?

– У-у-у, нельзя быть таким проницательным в отношении своей жены, – засмеялась Надя, – Николенька, родной, мне предложили путёвки на Кипр – через две недели, возьмём Сашу и, может, съездим? Всего на восемь дней, зато, сколько будет радости, сколько эмоций, а главное – мы подарим себе, пусть коротенькое, но всё же лето.

Николай задумался.

– Неожиданное предложение, – отозвался, чуть помедлив, – Надюш, я бы рад, но ко мне, к нам, приехал Володя, а мы отправимся в отпуск? Как-то не очень хорошо получается, тебе не кажется? – он внимательно посмотрел на жену. Надя сникла.

– Но это же ненадолго, всего восемь дней. А Володя всё

это время может пожить у Владимира Григорьевича, так? Ну, пожалуйста, обещай, что поговоришь с сыном? Восемь дней, милый, – она прижалась к мужу.

– Поговорю, – согласился он, – Саше тоже не мешало бы съездить на море.

Вилли услышал звонок на телефоне не сразу. Когда мелодия «Чардаша» стала звучать всё громче и требовательней, он, наконец, отыскал телефон в небрежно брошенном с вечера на стуле пиджаке. Посмотрел на экран, поморщился.

– Hello, – сказал в трубку, подошёл к двери своей комнаты, намереваясь её закрыть плотнее, но отвлёкся на довольно эмоциональный возглас на том конце провода, и дверь не закрыл. Два любопытных карих глаза смотрели в щёлочку. Вилли стоял у окна спиной к двери, нервно водил пальцем по стеклу.

– Yes, yes, – молодой человек говорил исключительно на английском, разговор был явно не из приятных, он то и дело досадливо хмыкал, но трубку не бросал. По ходу разговора достал из кармана джинсов зажигалку и крутил её в руках, затем пару раз зажёг, наблюдая за ровным пламенем. В конце разговора совершенно расстроенный, не попрощавшись, бросил телефон на кровать. Тем временем обладатель пары карих глаз, оставшись незамеченным, испарился.

Вилли зло выругался – проблема никуда не исчезла. А что он думал? Что Грум не найдёт его в России? Что просто так

отвяжется и даст спокойно жить? Но ведь согласился же на месячную рассрочку, а сам звонит раньше. И ещё ласково так разговаривает, миролюбиво. А сам, если что не так, не задумавшись, кишки выпустит.

– Сынок, – в дверь постучался Николай, – нам надо поговорить.

В этот момент Вилли закурил, показал отцу рукой на стул, сам сел на кровать, покосился на телефон, словно Грум мог ещё раз позвонить прямо сейчас.

– Нам предложили путёвки на Кипр через две недели, – подбирая слова, стал объяснять Николай, – так получилось, мы не планировали. Путёвки всего на восемь дней, хотелось бы, конечно, съездить всей семьёй, и тебя можно было бы взять, но взрослых путёвок всего две.

Вилли махнул рукой.

– Поверь, Кипр сейчас меня привлекает меньше всего.

– Ты чем-то расстроен? – Николай внимательно смотрел на сына – круги под глазами, бледный, взгляд какой-то затравленный.

– Нет, всё хорошо, – выдавил улыбку Вилли, – если ты задумал отдохнуть, я не против.

– Но ты же приехал ко мне, – Николай сел рядом с сыном.

– Па, я взрослый человек и со мной не надо нянчиться, – напомнил он.

– Верно, – согласился Николай, – слушай, а это же зажигалка твоего деда, – он только сейчас заметил на комодке одну

из самых красивых зажигалок в коллекции отца.

– Да, grandpa мне подарил её, – о чём-то думая, пояснил Вилли.

– Славная вещица. Отец всегда подчёркивал, как она ему дорога.

– Да-да, – рассеянно подтвердил Вилли.

– Значит, отец показывал тебе свою коллекцию? Понравилось? Там ведь такие раритеты, целый экскурс в историю, – с гордостью сказал Николай.

– Странно, а grandpa говорит, что ты никогда не проявлял особого интереса к его коллекции, – заметил Вилли.

– Ну, скажем так, эта коллекция – не всё, что ты видел из его собраний. Есть кое-что, действительно, особенное, и я бы сказал, даже конкретно причастное к истории нашего рода.

– То есть? – не понял Вилли.

– У твоего деда есть историческая ценность, весьма необычная, и это не зажигалка. Ты ничего о ней не знаешь?

– Нет, – Вилли растерянно заморгал.

– На это стоит посмотреть, поверь мне, – улыбнулся Николай.

– И что же это?

– Не знаю, надо ли забежать вперед и рассказывать? Может, твой дед сам решит поведать о семейной драгоценности и связанной с ней историей? – засомневался Николай.

– Хотя бы просто скажи, что это? А уж подробности услы-

шу от grandpa, сделал вид, что вообще ничего не знаю о раритете, – пообещал Вилли.

– Да, в общем-то, тайны как таковой нет, я даже удивлён, что дед тебе ничего не рассказал о сабельном гарнитуре, который, передаваясь из поколения в поколение, хранится в нашей семье – пожал плечами Николай.

– Сабельный гарнитур? – Вилли удивлённо приподнял брови.

– Да, сабельный гарнитур, изящно украшенный драгоценными камнями. Там целая история и, поверь, очень интересная. А на самом клинке в виде вензеля инициалы нашего предка – две буквы А, ведь сабля ему досталась за заслуги перед Отечеством в войне 1812 года.

– Что?! – воскликнул Вилли, – но почему я никогда о нём не слышал? Ведь если эта вещь фамильная, то почему о ней не говорили в семье, когда я ещё жил в России?

– Но ты же тогда был ещё мальчиком, – пояснил Николай, – кроме того, мой отец сам долгое время не мог найти то место, куда его дед спрятал ларец с гарнитуром. Уже и не надеялся. Усилить поиски его подвигла Надя.

– Твоя жена? – Вилли нахмурился. – Она узнала о наследстве?

– Нет, дело не в этом. Просто семь лет назад Надежда, благодаря связям в архивах, раскопала кое-что из событий нашего рода. Мы узнали множество фактов, о которых и не догадывались. Именно после этого мой отец и стал искать

гарнитур. Точнее, саму саблю, о гарнитуре мы узнали уже позже. Поиск увенчался успехом, были проведены многочисленные экспертизы и соответственно оценка раритета.

– И во сколько же оценили гарнитур? – Вилли от нетерпения стал переминаться с ноги на ногу.

– Что-то около полумиллиона долларов, вроде бы так, – пожал плечами Николай.

– Ого! – Вилли аж подпрыгнул, – пятьсот тысяч долларов? Хоть обижайся на grandpa, что скрыл от меня такое, показав лишь зажигалки.

– Не стоит таить на него обиду, – Николай обнял сына за плечо, – думаю, что твой дед просто не успел или же хотел «десерт» подать позже. Я уверен, ты всё скоро узнаешь.

– Надеюсь, что ты прав, – кивнул Вилли и улыбнулся.

Спустя некоторое время после разговора с отцом Вилли, насвистывая, вошёл в столовую. На высоком стуле сидела Саша, на её коленях лежала яркая детская книга, которую девочка, шевеля губами, читала. При появлении старшего сводного брата, оторвалась от своего занятия, посмотрела на него не по-детски серьёзно.

– Ты умеешь читать? – спросил Вилли.

– Умею, – она поджала губы.

– Ты маленькая дурочка, – он налил себе стакан воды, выпил его залпом. Настроение после разговора с отцом явно улучшилось. Прошёл мимо сестры, насвистывая «Ах, мой

милый Августин». Уже на пороге столовой вдруг услышал за спиной:

– Грум.

Обернулся, девчонка вся была в своей книге, даже голова опущена.

«Послышалось», – подумал Вилли.

Глава 21

Сегодня в кафе Мира основательно опоздала. Зорин ждал её один, Таисья вообще не явилась, позвонила в последний момент – подъедет только к занятиям.

Зорин заказал себе латте и задумчиво пил его маленькими глотками. После того как прочитал роман Миры, они ещё не виделись. Уже тогда он подумал: может быть, и не стоит больше встречаться? Но когда девушка прислала ему сообщение, назначая встречу в их кафе, он, не раздумывая, дал согласие. Всё-таки захотелось увидеть Миру, просто посмотреть в её глаза.

Она влетела в кафе растрёпанная, заколка на боку, клетчатый шарф небрежно обмотан вокруг шеи, его бахромчатые концы свисали. Девушка поискала глазами Зорина, увидев, махнула рукой.

«Креолка с Сейшельских островов», – подумал он и вдруг вспомнил, что именно там провели свой «медовый» месяц Николая и Надя. Удивительное совпадение, наверное, там, правда, романтическая атмосфера.

– Здравствуйте, Вадим Георгиевич, – Мира, как обычно, села напротив. Размотала шарф, сняла пальто, пригладила распушившиеся от влаги волосы и смущённо улыбнулась, заметив, что Зорин внимательно следит за её движениями. Он спохватился, отвёл взгляд.

– Как ваши дела? – протянул ей меню.

– Дела нормально. Я буду чай, горячий чай с имбирём, – Мира потерла ладонь о ладонь, зябко, – да, Вадим Георгиевич, я привезла вам книгу, – она порылась в пакете, выудила оттуда роман Марио Варгаса Льосы, – большое спасибо, прочитала, как всегда, с интересом. У Льосы всё-таки особый стиль. И он мне нравится. Думаю продолжить знакомство с его творчеством.

– Вот как раз кстати, – воскликнул Зорин и тоже достал из своего рюкзака книгу небольшого формата, на обложке которой красовались часы, – это мой вам подарок, Мира, уверен, пригодится.

Она взяла книгу, прочитала название – «Письма молодому романисту».

– Это вам, как молодому писателю, своего рода советы, – пояснил Вадим Георгиевич, – здесь прославленный мастер раскрывает свои профессиональные секреты. Варгас Льоса предстает в книге блестящим и остроумным мыслителем, замечательным знатоком мировой литературы.

– Ух, как интересно, – радостно закивала девушка, – Вадим Георгиевич, как же я вам благодарна. Сколько всего я от

вас получаю. Вы просвещаете меня, объясняете, прививаете вкус к хорошей литературе. Этот опыт бесценен. Если бы не вы... – она умолкла.

Зорин почувствовал, что краснеет. Засуетился, чуть не опрокинул бокал с остатками кофе. Это смутило его ещё больше. А Мира любовалась им. И опять сравнивала. Никак не получалось не сравнивать с её недавним знакомым – Дмитрием. Несмотря на более дорогой внешний вид Дмитрия – Вадим Георгиевич одевался проще, последний во всём остальном явно выигрывал. Зорин умен, интеллигентен, с прекрасным чувством юмора, эмоциональный, он настоящий. А Дмитрий? Нет в нём того обаяния, которое присуще Зорину, той индивидуальности, шарма, которые подкупают. Спасибо ему, конечно, что помог с Бенеи, отнёс его в ветеринарку и даже остался ждать, а потом доставил домой. Правда, Мира не разрешила провожать её. Пуделька она донесла сама. Дмитрий, как ей показалось, попрощался с ней прохладно. Хотел ещё что-то сказать, но передумал, махнул рукой и ушёл.

Мира пожала плечами. Зачем приезжал? Чего хочет, чего добивается? Она вдруг поймала себя на мысли, что не слушает Вадима Георгиевича, так увлеклась собственными мысленными рассуждениями и сравнениями. А Зорин что-то вещал про приёмы в литературе, разные стили и способы изложения. Упомянул опять же Льюиса, назвав его творцом латиноамериканского «бума», затем повёл речь о Питере Хё-

ге, перескочил на Итало Кальвино и особенности его литературных произведений. Закончил рассуждениями о приёмах в литературе, которыми пользовался Кобо Абэ. Мира и раньше слышала об этом японском писателе, правда, не читала ни одного его романа. Вадим Георгиевич посоветовал всенепременно с ним ознакомиться. Мира опять задумалась о личности преподавателя, но он прервал её мысли:

– Вот интересными бывают приёмы даже в мелочах, которыми пользуются писатели. К примеру, косвенная речь, – он сделал паузу, посмотрел на девушку, она кивнула, – кажется, Лёса любитель вслед за прямой речью ставить действие говорящего, не относящееся к сказанным словам.

– То есть? – не поняла Мира.

– Я люблю тебя, – сказал Зорин после некоторой паузы.

Мира обомлела. Вадим Георгиевич уставился на неё немигающе.

– Я люблю тебя, – повторил он, – здесь после прямой речи следует не «сказал он», а, к примеру, «он прикоснулся к её шелковистым волосам».

– А, понятно, – выдохнула Мира, – хороший приём, его надо взять на вооружение, – она отвела взгляд, понимая, что смутилась так странно прозвучавшим примером. Похожим на признание. Хотя, конечно, это не может быть признанием. Просто так получилось – случайно. Но его глаза – пару мгновений он смотрел на неё особенно, более чувственно, чем обычно...

Мира даже поёжилась. Кажется, Таисья права – она теряет контроль над ситуацией. И ни к чему хорошему это не приведёт. Но как трудно отказаться хотя бы изредка даже просто видеть Вадима Георгиевича. Вот если бы он сам отказал ей во встрече... переживала бы, конечно, расстроилась. Но в итоге смирилась бы. Однако и он не против их встреч, это заметно. Он оживляется, острит, много рассказывает, ему тоже хорошо.

Хотя как-то совсем недавно сказал, что любит свою жену, вернул это в разговоре. Что у них пока нет детей, но хотят оба. Всё-таки тогда в японском ресторане он был с ней, да, скорей всего.

– Какой у вас рост? – ни с того ни с сего брякнула Мира. Зорин чуть удивлённо приподнял брови.

– Метр восемьдесят пять, а что?

– Нет-нет, ничего, – неловко улыбнулась Мира, – высокий. Кажется, нам пора? – она посмотрела на часы. Всё-таки этот его пример выбил её из колеи. А сам он ничуть не смутился. Иногда такое ощущение, что Зорин играет с ней, наблюдает за реакцией.

– Вадим Георгиевич, – обратилась Мира, пока он помогал ей надеть пальто – как всегда галантно, даже шарф поправил, – могу я кое о чём вас попросить?

– Да, Мира, конечно, – достал портмоне, чтобы расплатиться, оставил купюру под блюдцем.

– Верните, пожалуйста, мой роман. Думаю, что вы его уже

прочли. Как договаривались, не спрашиваю ваше мнение, но вернуть его прошу.

Зорин изменился в лице.

– Хорошо, я верну вам роман, но только не сейчас. Мира, – он нахмурился, задумался, – мне необходимо сделать его копию, – наконец, признался.

– Копию? Зачем? – не поняла Мира.

– Для себя. Я хочу, чтобы роман был у меня. Либо вы мне пришлите, пожалуйста, его электронную версию.

– Вот как? – она едва сдержала улыбку. – Но я не понимаю...

– Мира, можно я и это не буду объяснять? – спросил он с очень серьёзным выражением лица.

– Ну, хорошо, тогда не делайте копию, я оставлю этот экземпляр вам. Подарок от студентки Миры.

– Спасибо, – Зорин понял, что теперь он попал в неловкую ситуацию. Но кто бы мог подумать, что Мира попросит вернуть свой роман? А ещё досаднее – ему не захочется с ним расставаться. Этот момент он не просчитал. – Я быстро покурю? – попросил, когда они вышли из кафе.

Мира кивнула. Именно после сегодняшней встречи осталось чувство жуткой неловкости, будто Мира позволила себе больше, чем когда-либо. Тем самым по-настоящему смутила Зорина. И он будто выдал то, что тщательно скрывал.

У Зорина зазвонил телефон, он зябко поправил воротник куртки, отвернулся.

– Да, дорогая, – услышала Мира его фразу по телефону.

Глава 22

Надежда с Викторией сидели на кухне, аромат свежесваренного кофе, казалось, заполнил всё пространство, даже потянулся в коридор, создавая атмосферу особо уюта. Первые дни октября выдались на редкость холодными. «Бабьего лета» так и не дождались. Ну, может, пара-тройка деньков и была сухой и солнечной, но именно в этот год осень, вступив в свои права, слишком резко прогнала лето.

Саша попила чаю с молоком, совсем недавно дедушка Володя научил её пить чай именно с молоком, девочке это понравилось. К чаю полагалось печенье от крёстной Вики, которое Саша обгрызла со всех сторон, накрошила на столе и умчалась смотреть мультфильмы.

– Ты сегодня какая-то молчаливая, задумчивая, – заметила Надя. Она с самого начала, как подруга вошла в дом, обратила внимание на отсутствие в Виктории присущей ей живости, – что-то случилось?

– Да как тебе сказать? – Вика сняла очки, бросила их на стол, потёрла пальцами глаза.

– Так и скажи, – Надя протянула ей зеркальце, – ты рассеяна, значит, есть что-то тревожащее тебя.

– Скорее, озадачивающее, – уточнила Вика.

– Рассказывай.

– Рассказывать-то особо нечего. Так, скорее, мои домыс-

лы. Хотя, не без оснований, – Виктория подняла на подругу глаза. Надя терпеливо ждала, – дело в Зорине.

– Вадим здоров? – осторожно спросила Надя.

– Да здоровее некуда, – усмехнулась Вика, – понимаешь, в последнее время он стал со мной очень ласков.

– Что же в этом плохого? – улыбнулась Надя, долила подруге остатки кофе. – Ласковый муж – это прекрасно.

– Но только не Зорин, – быстро возразила Вика, – нет, то есть он, конечно, не грубый и не равнодушный, он заботливый, внимательный. Но не сентиментальный, не воркующий.

– Да? – усомнилась Надя. Когда-то Зорин показался ей именно сентиментальным.

– Да, – твёрдо выдала Вика, – поверь, своего мужа я знаю отлично.

Надежда отпила кофе, задумалась.

– В таком случае, что же тебя беспокоит? Перемены в его характере? – спросила, помолчав.

– Именно, – подтвердила Вика, – и я подозреваю, что у Зорина, возможно, кто-то появился.

– Кто-то? – переспросила Надя.

– Да, другая женщина, – сказала Вика.

– Фу, какие глупости приходят тебе в голову, Виктория! – Надя даже чашку отставила. – Вадим прекрасный человек – порядочный, искренний. Да тебе несказанно повезло, что у тебя такой муж. И он тебя, любит, запомни это!

– Может быть, и любит, – Вика не стала спорить, – но это

не мешает ему ещё кем-то увлечься.

– Опять глупости, – Надя от возмущения даже встала, – ты сделала этот абсурдный вывод на основании, что муж стал с тобой более ласковым?

– Он словно вину заглаживает, Надечка, – Вика надела очки, прищурила один глаз.

– Ну, знаешь, бурная фантазия – моя привилегия. Но ты решила меня превзойти. Вадим просто не способен на предательство.

– Хорошо, может, ты и права, – примирительно сказала Виктория, – а мне приятно, что ты такого высокого мнения о моём муже.

– Ты не меньше восхищаешься Николая, – хитро улыбнулась Надя, – мне это тоже приятно.

– Так Фертовский и, правда, великолепен.

– Кто тут великолепен? – в дверях появился Николай.

– Ты, кто же ещё? – отозвалась Виктория. Он подошёл к Наде, поцеловал её в губы, затем чмокнул Вику в щёку.

– Викуся, как всегда, поёт тебе панегирики, – весело пояснила Надежда.

– Да, я придерживаюсь мнения, что мужчины рода Фертовских хороши.

– Ну, Зорины ничуть не хуже, – пряча улыбку, сказал Николай. Занял место рядом с Викторией. – Надюша, сварить мне кофе? – попросил жену. Та кивнула.

– Николая, вот скажи мне, – Вика легонько притронулась

к его локтю, – вы с Надей живёте семь лет, почему чувства между вами такие же сильные, как в первое время? Это же видно сразу. Хотя у вас тот же надоедающий быт, проблемы – без них никак не обойтись, иногда просто ни на что нет настроения. А вы по-прежнему смотрите друг на друга с любовью и какой-то особой нежностью. В чём сила этой любви, в чём ваш секрет?

– Секрет счастья? – подумав, отозвался Николай, – внимание друг к другу. Часто с годами люди, живущие вместе, становятся родными. Но не редко так, что и возникает ощущение некой собственности, успокоенности, что никуда не денется моя вторая половинка. Я могу, наконец, расслабиться. Как? Командовать, поучать, авторитарно давить, требовать, упрекать, обвинять, предъявлять бесконечные претензии. Ведь, Виктория, если вслушаться в разговоры женщин или мужчин между собой, то очень часто о своём супруге или жене, кроме критики, ничего не услышишь. Скорее, будут кичиться успехами своих детей, чем жены или мужа. Гораздо реже можно услышать, что мой супруг или супруга очень хороший, что я счастливо живу, что мне повезло. А мы с Надей? Мы уважаем друг друга, стараемся понять, найти компромисс, даже пожертвовать чем-то своим. Это работа над отношениями, работа чувств, эмоций, души.

В какой-то момент мы становимся частью друг друга. И не забываем, что должны быть, обязательно должны быть маленькие удовольствия от поцелуя, доброй улыбки, сердеч-

ного комплимента, тёплых мыслей. Любви тоже нужен ежедневный хлеб, – Фертовский замолчал, затем продолжил, – я стараюсь ориентироваться на слова Иоанна Златоуста: «Жена есть пристань и важнейшее врачевство от душевного расстройства. Если эту пристань ты будешь соблюдать свободой от ветров и волнения, то найдёшь в ней великое спокойствие, а если будешь возмущать и волновать её, то устроишь сам себе опаснейшее кораблекрушение». Ну, как-то так, – улыбнулся Фертовский своей особенной лучезарной улыбкой.

Вика вздохнула. Какое же это утешение – мужская мудрость, всё-таки она есть.

У Николая зазвонил телефон, извинившись, он вышел.

– Надя, у тебя лучший в мире мужчина, – вслед ему сказала Виктория.

– И твой Вадим не хуже, не сомневайся, – твёрдо сказала Надежда. – Может, вам двоим сменить обстановку, куда-нибудь съездить, – предложила она, – но только не в Беляниново, а в незнакомое место. Набраться впечатлений, устроить себе каникулы или даже второй «медовый месяц», а почему бы нет?

– Надо же, а ведь недавно Зорин как раз заговорил об отдыхе у моря. Но мы оба пришли к выводу, что в ближайшее время ничего не получится, у него в разгаре учебный год, у меня вечные справки и отчёты. Можно, конечно, запланировать на следующий год, но до него столько ждать. А хочется сейчас, – она вздохнула, – ох, не знаю, что и делать. Погово-

ритель с Зориным?

– Конечно, поговорить, Вика!

Глава 23

Мира смотрела в книгу, но текста не видела. Обе пары в университете всё думала о Зорине. Особенно о последней их встрече. Что-то такое изменилось в их странной преподавательско-студенческой дружбе. И Мира осознавала, что произошло это после того, как она дала Зорину прочесть свой роман. В том, что роман произвёл на него впечатление, она не сомневалась. Но вот что за всем этим последует?

– Книга, наверное, очень интересная, – услышала Мира над собой голос, – вы уже десять минут смотрите в одну точку, – она подняла голову.

– Не рада вас видеть, Дмитрий, – съязвила, досадуя, что он опять появился в поле её зрения, да ещё вырвал из раздумий о Зорине.

– Зато обо мне этого не скажешь, – отозвался молодой человек, – я рад вас видеть, Мира.

Пожилая женщина, сидевшая рядом с Мирой, поднялась с места и направилась к выходу, на освободившееся место Дмитрий не сел, предпочёл стоять, нависая над Мирой, словно давил.

– Послушайте, – начала было она.

– Как себя чувствует Бенья? – не дал ей закончить фразу Дмитрий.

– Идёт на поправку, – вынуждена была сообщить Мира – все-таки с пудельком Дмитрий ей помог.

– Это приятная новость, – едва заметно улыбнулся молодой человек.

– Да что вы говорите?! Ваша жизнь так скудна на хорошие новости, что радуется здоровью чужой собаки? – Мира решила, что от её колкостей он скорее отстанет.

– Беня мне не чужой, я его спас, – скромно заметил Дмитрий и, наконец, сел рядом с Мирой. Она почувствовала запах его парфюма.

– За что вам большое спасибо. Но и только, – Мира громко захлопнула книгу.

– «Словарь Ламприера» – автор Лоуренс Норфолк, – вслух прочёл Дмитрий, – том увесистый, не читал.

– Меня это не удивляет, – девушка пожала плечами.

– Ну, почему же? – опять не обиделся он. – У Норфолка я не читал «Словарь Ламприера», зато удосужился продраться сквозь дебри «В обличье вепря». Занятная головоломка, – усмехнулся, заметив, как Мира удивлённо вытаращила на него глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.